

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр Российской академии наук»
(КарНЦ РАН)

На правах рукописи

Афанасьева Анастасия Алексеевна

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

об основных результатах научно - квалификационной работы (диссертации)

на тему: **«Формирование топосистемы Сязозерья в контексте карело-
вепсского этноязыкового диалога»**,

подготовленной в соответствии с требованиями

Федерального государственного образовательного стандарта
высшего образования по направлению 45.06.01 Языкознание и
литературоведение

(уровень подготовки кадров высшей квалификации)

Научный руководитель:
главный научный сотрудник
Сектора языкознания
Института языка, литературы и
истории КарНЦ РАН,
д.ф.н., проф. И. И. Муллонен

Введение

В научно-квалификационной работе «Формирование топонимической системы Сямозерья в контексте карело-вепсского этноязыкового диалога» предпринят анализ топонимии Сямозерья – узловой в смысле историко-культурной истории Карелии территории, где проходит граница ареалов трех наречий карельского языка – ливвиковского, людиковского и собственно карельского. Считается, что первые два сложились в результате вепско-карельского языкового контактирования и поглощения вепсского языкового элемента карельским. В результате анализа планируется выявить и описать модели топонимов, установить их ареальную дистрибуцию и связь с этноязыковыми и культурными потоками освоения этого принципиально важной для территории южной Карелии региона.

Степень изученности. Предпринятое исследование продолжает исследовательскую традицию научного изучения прибалтийско-финской топонимии Карелии, начавшуюся без малого полвека назад. В настоящее время накоплен обширный фактологический материал, выявлены наиболее существенные типологические параметры прибалтийско-финской топонимии Карелии, описаны основные хронологические и языковые пласты в общем континууме географических названий. Доказана роль моделей в образовании топонимов, см. последнее по времени исследование в этом направлении [Захарова и др. 2018]. Уже в ранних работах карельская топонимия привлекалась в качестве источника этноисторических исследований. Один из основателей отечественного финно-угроведения Д. В. Бубрих использовал данные топонимики для решения вопросов истории заселения Карелии [Бубрих 1947]. Эта тенденция сохраняется и в современных исследованиях. Предприняты попытки реконструкции исторической вепсской этнической карты [Муллонен 2012], на основе ареальной дистрибуции карельских топонимных моделей реконструированы хронология, основные направления и пути продвижения карельских переселенцев в Беломорскую Карелию [Kuzmin 2014]. Имеется и интересный опыт применения топонимического метода к реконструкции этноязыковой истории Сямозерья [Муллонен, Мамонтова 2008], который, однако, не исчерпал потенциал топонимии в исследовании этой принципиально важной для языка и культуры карелов территории. Топонимия Сямозерья, расположенного на стыке языковых ареалов, хранит наследие разных

этно-языковых потоков, проникавших на эту территорию на протяжении всего II тыс. н.э. – периода активного земледельческого освоения южной Карелии. Использование методов топонимического анализа позволяет в ряде случаев проследить исходные центры и направление миграции, а также установить его хронологию.

Актуальность исследования определяется важностью региона Сямозерья в формировании карельской диалектной карты, а также этноисторической ценностью топонимического материала, в котором закрепляются как собственно языковые, так и историко-культурные события прошлого. В силу значительного возраста топонимы могут потенциально сохранять память о вепсской странице в истории этого ливвиковского ареала.

Конкретные задачи исследования

✓ Описание структурных и лексико-семантических моделей топонимии Сямозерья с целью выявления универсальных, типовых для карельской топонимии принципов и моделей именования, а также возможных сямозерских инноваций,

✓ Выявление в общем массиве материала перспективных для картографирования моделей, подготовка топонимических карт, иллюстрирующих ареалы топонимных моделей,

✓ Описание ареалов закартографированных моделей на фоне собственно языковой и этнокультурной истории южной Карелии с целью выявления центров их возникновения, путей распространения в Сямозерье, их возможной хронологии,

✓ Выявление на основе ареальной дистрибуции топонимных моделей языковых и этнокультурных связей Сямозерья в разное время, становления поселенческой системы,

✓ Этимологический анализ ряда затемненных топооснов и утраченных форм карельских календарных и некалендарных антропонимов.

Методы исследования. Для написания работы применялись традиционные для ономастического исследования методы: описательный, структурно-словообразовательный, сравнительно-исторический, этимологический.

Наиболее востребованным был ареально-типологический метод исследования, который заключается в выявлении в массе топонимического материала тех моделей именования, которые имеют ареальные и хронологические рамки

бытования, с последующим их картографированием и анализом полученных ареалов. Применение его к топонимии Сямозерья позволило увидеть разные этапы в заселении волостных территорий, выявить иноэтничное влияние, проникшее из-за пределов данной этнолокальной зоны, а также уточнить историческую семантику лексем, выступающих в качестве топооснов. Названная методика апробирована на прибалтийско-финском материале и доказала свою эффективность.

Основным **источником материала** исследования послужили данные научной картотеки топонимов, собранные в разные годы исследователями Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, а также Топонимического архива Финляндии. В ходе подготовки диссертации автором велся собственный сбор полевого материала, а также привлекались архивные данные XIX-XX вв., хранящиеся в НАРК. Общий объем использованных в работе топонимов составляет более 3 000 единиц, которые внесены в ГИС «Топонимия Карелии». В соответствии с разработанным форматом база информация о каждом топониме включает 20 параметров – от написания топонима и его вариантов, привязки к карте и административному членению до характеристики структурного облика и этимологической интерпретации.

Надежной историко-этнографической основой топонимического анализа послужили результаты комплексного исследования Сямозерья, предпринятого коллективом карельских ученых в конце 1990-х годов, и опубликованных в коллективной монографии «История и культура Сямозерья» (2008). Этот район хорошо обследован и диалектологически: большой лексический материал обобщен в 6-томном Словаре карельского языка [KKS], а наиболее важные фонетические и грамматические признаки отражены в Атласе карельского языка [ДАКЯ].

Научная новизна работы заключается в анализе топонимической системы локального региона Сямозерья с позиций такого принципиально важного механизма, как модельность. В результате удалось подтвердить прочные связи Сямозерья с карельским Приладожьем, а также наметить точки схождения с регионом Ведлозерья и Олонца. Среди более частных достижений исследования – ряд новых топонимических этимологий.

Положения, выносимые на защиту.

1. Топонимия обладает значительным этноязыковым и историко-культурным потенциалом в силу ряда присущих ей параметров (долговечность, массовость, ареальность, адаптация в иноязычное употребление, формульность).
2. Топонимы возникают и функционируют в рамках определенной системы, по готовым моделям, усваиваемым носителем топонимической системы вместе с языком. Модели характеризуются хронологическими и географическими рамками бытования.
3. В общем русле прибалтийско-финской топонимии основной структурной моделью топонимии Сямозерья являются сложные названия, состоящие из детерминанта, выраженного термином, и определяющего его атрибута. Простые топонимы выражены географическим термином, реже – антропонимом. В число простых входит некоторое число т.н. метафорических и метанимических наименований, а также суффиксальных производных.
4. Основной массив топооснов носит типовой для карельской и – шире – прибалтийско-финской – топонимии характер. Уникальные топоосновы выражены главным образом специфическими для Сямозерья географическими терминами, а также формами имен.
5. В топонимии Сямозерья наглядно представлены связи с другими смежными в языковом отношении карельскими ареалами. Четко прослеживаются связи с Приладожьем – территорией, где происходили первоначальные этапы формирования карельского этноса. Вепские модели проявились не так четко. Вепское наследие смазано близким карело-вепским языковым родством и легкостью перехода вепских топонимов в карельский язык.
6. Вхождение в состав русской административной территории, плотные языковые связи со смежно проживающим русским населением привели к тому, что в топонимии Сямозерья представлены убедительные русские связи, при этом проникавшие как из Присвирья через Олонец и Олонецкую округу, так и из северо-западного Приладожья.

Теоретическая и практическая значимость работы. Исследование вносит вклад в изучение модельности топонимии и развитие ареально-типологической методики. Проведенный анализ и его выводы, как и введенный в научный оборот новый топонимический материал найдут использование в прибалтийско-финской

ономастике, в том числе в ведущихся в ИЯЛИ КарНЦ РАН работах по подготовке «Словаря топонимов Карелии». Реконструкции ряда топооснов могут быть полезны для карельской лексикографии. Исследование может быть использовано специалистами в смежных научных областях, таких как истории, этнологии, этнографии, поскольку содержит новые результаты по этнокультурной истории региона Сямозерья. Кроме того, некоторые положения работы могут использоваться при составлении ономастических словарей, в лекционных курсах по ономастике, а также на школьных уроках по истории родного края.

Апробация результатов. Результаты работы доложены на нескольких научных мероприятиях разного уровня: V международная научная конференция, посвященная дню Микаэля Агриколы (6 – 8.04.2017, Нарвский колледж Тартуского университета, г. Нарва, Эстония), I международная научно-практическая конференция "Притяжение Севера: язык, литература, социум" (15.02 - 17.02.2018, Петрозаводск, ПетрГУ), Международная научная конференция «Бубриховские чтения: Текст в финно-угорском языковом и социокультурном пространстве» (24.10 - 26.10.2018, Институт языка литературы и истории КарНЦ РАН), XIII научная конференция «Краеведческие чтения» (13-14 февраля 2019 года, Национальная библиотека Республики Карелия, Петрозаводск), семинар СИМО для аспирантов, занимающихся финно-угорскими языками (г. Хельсинки, май, 2018 г.).

По теме научно-квалификационной работы издано 3 публикации, две из которых опубликованы в журналах, включенных в перечень ВАК.

Научно-исследовательская работа выполнялась на секторе языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

Структура научно-квалификационной работы. Научно-квалификационная работа состоит из введения, основной части, включающей в себя три главы, заключения, библиографического списка, перечня сокращений и приложения, состоящего из списка топонимов Сямозерья.

Основное содержание работы (основные результаты НКР).

Во **введении** описана актуальность избранной темы, степень ее разработанности, цели и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая

значимость, методы исследования, положения, выносимые на защиту, степень достоверности и апробация результатов.

В основной части три главы.

Первая глава исследовательской работы – «**Методика ареально-типологического исследования в топонимии**». Данная методика лежит в основе работы, поэтому есть необходимость описать ее основные положения.

Будучи словом, топоним, тем не менее, имеет особую природу. Поэтому далеко не всегда к его анализу применимы методы, которые используются в исследовании лексики. В топонимии выработан ряд собственно-топонимических методик. Среди них ареально-типологический метод, который заключается в выявлении, картографировании и исследовании ареалов топонимов определенного типа. Этот метод основан на двух существенных особенностях топонимов.

Первая состоит в том, что топонимы рождаются по определенным моделям, образцам, в ряду подобных и вписываются поэтому в определенные типы – как структурные, так и лексико-семантические. На заре рождения топонимики как науки считалось, что топонимы образуются по тем же правилам, что и апеллятивная лексика. Однако постепенно стало понятно, что это далеко не всегда так. Хотя в ряде случаев такой путь не исключается, его демонстрируют так называемые «примитивные» микротопонимы, которые представляют собой застывшие послеложные апеллятивные конструкции, перешедшие в топонимию: ср. кар. *Männän_ual/ Männun_ual* 'под сосной', *Časounan_al* 'под часовней', *Suaren_piel* 'на конце острова'. Топонимы строятся из того же строительного материала, что и апеллятивы, но используют его по-своему. К примеру, из всех именных словообразовательных суффиксов в топонимии используются лишь единицы. Считается, что их количество может быть представлено формулой 7 ± 2 [Теория и методика ономастических исследований 1986]. Как и в именном прибалтийско-финском образовании в целом, и в топонимии широко используется способ словосложения, однако с иным результатом. В свое время Э. Кивиниеми выявил, что наиболее типичные топонимы *composita* не свойственны для апеллятивов, и, наоборот, сложные по структуре лексемы не переходят в разряд топонимов. Например, структуры *Koivuselgy*, *Koivusuo*, *Koivulambi*, *Koivuniemi* являются сложными топонимами, но их нет в апеллятивном континууме [Kiviniemi

1975]. В прибалтийско-финской топонимии масса таких сложных слов, которые невозможны на уровне апеллятивной лексики.

Топонимы в своем образовании «подстраиваются» под ряд подобных, уже существующих, родившихся раньше названий. При этом выбор модели, образца определяется в первую очередь типом называемого объекта: название поселения подстраивается под ряд соответствующих ойконимов на *-la* (*Ar'koilu, Kibroilu, Meloilu, Nehpoilu, Nikkoilu, Padroilu, Kiškoilu, Kurmoilu, Närhil, Rubčoilu*). Названия сельскохозяйственных объектов, как правило, выражаются сложными по структуре названиями, где второй элемент – это термин, называющий разновидность этого сельскохозяйственного угодья, а первый нередко выражен антропонимом: *Bartienpeldo, Ot'oinpeldo, Kanzanhuuhtu, Reduluhtu, Pihl'apeldo, Rihipeldo, Ristanpeldo, Āuamunrajakko*.

Влияние модели, готового образца просматривается не только на уровне структуры названий, но и в использовании так называемых типовых топооснов. Далеко не любое слово может закрепиться в топонимии, о чем свидетельствует анализ типовых топооснов в финской [Kiviniemi 1990], вепсской [Муллонен 1994], карельской [Kuzmin 2014] топонимии.

Не менее важны хронологические рамки бытования топонимных моделей. Как показало исследование, модели характеризуются не только территориальной, но и временной привязкой.

Вторая составляющая ареально-типологического метода – это ареальность. Топонимные типы или модели привязаны к территориям. Человек вместе с языком усваивает систему окружающих его топонимов. У него формируется представление о том, каким должно быть название места, и когда он сам оказывается в роли имядателя, он опирается на эти знания и представления. Известная ему система названий оказывается моделью (образцом) для создания новых топонимов. Соответственно, осваивая новую территорию, человек переносил на нее традиционную для него систему названий. К примеру, продвигаясь из Приладожья на восток, карелы принесли с собой модель ойконимов *-l*-ового типа, которая представлена несколькими очагами на Сямозере.

Итак, ареально-типологическая методика исследования включает несколько опорных составляющих.

- Сама совокупность собранных топонимов. Понятно, что чем материал обширнее, тем больше возможностей для применения метода.
- Выявление моделей, перспективных для картографирования. Эта операция помимо большого и качественно собранного материала требует еще и навыков и опыта в исследовании топонимии, чтобы понять, что действительно стоит картографировать. Есть модели, покрывающие обширные пространства и не показательные с точки зрения их этноязыкового и историко-культурного наполнения. Например, модель *Naapaselkä*, *Huabuselgy*, *Habsel'g*, букв. 'осиновая сельга' распространена практически повсеместно и в финской, и в карельской, и в вепсской топонимии, и поэтому нет ареальной дистрибуции, важной для дальнейшего анализа.
- Сам процесс картографирования (выбор границ ареала картографирования, масштаб карты, легенда и т.д.).
- Анализ полученных ареалов.

Методика ареально-типологического анализа активно используется в прибалтийско-финской ономастике. Один из первых масштабных опытов ее применения принадлежит не ономасту, а историку Kõysti Julku, привлечшему ее для исследования истории заселения финнами Северной Приботнии [Julku 1968]. Теоретическое обоснование методики применительно к прибалтийско-финской ономастике разработано финляндским топонимистом Э. Кивиниэми [Kiviniemi 1977]. В дальнейшем дополнительные аспекты методики предложены в работах карельских исследователей, адаптировавших ее к анализу вепсской и карельской топонимических систем [Муллонен 2002, Kuzmin 2014].

Методика ареально-типологического исследования использована также применительно к территории восточного Обонежья, где выявлены карельские, вепские и русские типовые топонимные модели, представляющие собой разные по времени и по путям проникновения потоки освоения этого региона [Захарова 2014].

Метод подробно описан и использовался в коллективной монографии «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте» [Захарова и др. 2018], где исследуются типовые топоосновы, характеризующие размер, форму и относительное расположение географического объекта.

Итак, по мере углубления ономастических исследований стало ясно, что топонимия является элементом системы, предполагающей образование географических названий по моделям, характеризующимся хронологической и географической приуроченностью. На этом свойстве базируется значительный этнолингвистический потенциал топонимии. Оно является ядерным для т.н. топонимического метода исследования этноязыковой и историко-культурной истории территории. Последний кроме формульности, обусловлен и рядом других объективно присущих топонимии особенностей:

- Массовость топонимического материала, что позволяет оперировать большими количествами названий.
- Его «живучесть», сохранение, несмотря на смену языковых коллективов. Топонимы иноязычного происхождения присутствуют в топонимических системах тех территорий, на которых происходило или происходит языковое контактирование. Именно они являются одним из наиболее существенных источников этноязыковой информации. Язык происхождения топонимов традиционно использовался в истории ономастики для решения этногенетических проблем.
- Топоним при происхождении мотивирован, а слово, положенное в основу названия, отражает определенный признак, качество названного объекта. При этом выбор признака, отраженного в названии, определяется уровнем социального развития и экономическими приоритетами того коллектива, который создает топонимическую систему. Доказано, что при кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор их достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов, причем чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. В условиях единой культуры, сходных естественно-географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах едины. А это значит, что создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных участках территории [Муллерен 2002]. Замечено, например, что названия, которые даются народом, находившимся в момент номинации на более низком уровне общественных отношений, нередко нагляднее и образнее, а топонимы,

указывающие на какие-то события, связаны в большей степени с кочевым бытом, чем с земледельческим. Установление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований, указывающих на имя владельца или его социальное положение. Вепская и карельская топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. В соответствии с этим одни объекты ландшафта получают названия, другие – нет. В регионе Сямозерья мало безымянных водоемов: даже те из них, что располагались вглуби лесов, далеко от поселений, были функциональны в качестве, например, водных дорог или мест рыбалки. В то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий: очевидно, нужды населения обеспечивались лесами, прилегающими к поселению. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) – в силу того, что к ним привязываются и поселения, и сельскохозяйственные угодья – интересуют топонимию значительно больше, чем низинный рельеф.

Выбор признака объекта, отраженного в топониме, обусловлен, таким образом, рядом обстоятельств (в том числе человеческий фактор, временной фактор, природные особенности), среди которых важная роль принадлежит закономерностям ономастической системы. Носитель языка вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов. Последняя становится для него моделью, когда он сам оказывается перед необходимостью имятворчества, т.е. вынужден присваивать имена географическим объектам.

Существование таких моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических изысканий, поскольку часть их имеет достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т.д. В ходе освоения новой территории люди естественно опирались на ту систему топонимов, которая была им известна, и в рамках ее присваивали имена во вновь освоенном ареале. Использовались те же структурные модели (например, набор суффиксов), те же семантические и лексические типы (к примеру, модели метафорических топонимов типа *Железные Ворота* или *Kukoinhařj*, букв. ‘петушиный гребень’), которые были известны и на материнской территории.

Вторая глава научно-квалификационной работы – «**Структурная и лексико-семантическая характеристика топонимии Сязозерья**». В этой главе два раздела: «Структурные модели топонимии Сязозерья» и «Реализация карельских типовых топооснов в топосистеме Сязозерья».

В первом разделе «Структурные модели топонимии Сязозерья» выделяются две основные структурные модели: простые и сложные топонимы.

Простые топонимы

Группа простых топонимов Сязозерья неоднородна. Она в целом укладывается в предложенную исследователями классификацию прибалтийско-финских топонимов [Kiviniemi 1975:22, Муллонен 1994: 12] и делится на две больших группы в зависимости от того, чем выражен топоним: отапельлятивныи и отантропонимныи топонимы. При этом и апеллятивы, и антропонимы могут выступать в роли топонимов как самостоятельно, так и в сочетании со специфическими топонимическими формантами / суффиксами.

В качестве простого топонима чаще всего выступает имя существительное, реже другие части речи [Nissilä, 1962: 57]. Далеко не каждый апеллятив может быть топонимом. Прежде всего, и, как правило, топонимами становятся географические термины. При этом они функционируют на уровне микротопонимии, и именно это делает возможной онимизацию родовых терминов, выполняющих в данном случае функцию индивидуализации, закрепляющихся за единственным или наиболее важным на микротерритории объектом. Например, на территории Сязозерья известно несколько островов с названием *Suari* (*suari* ‘остров’), но поскольку все они в разных озерах, то эта омонимия не мешает дифференциации, которая каждый раз проходит внутри компактной микросистемы одного озера.

Простые топонимы не отражают тип объекта, и в этом смысле они неполные. Например, в топониме *Bul'a* нет формального указателя на класс называемого объекта – поселение. Для уточнения к простому топониму нередко прибавляется термин, отражающий разновидность географического объекта. В ходе т.н. эпексегезиса (для указания вида объекта к названию добавляется необходимый апеллятив [Nissilä, 1962:73]) происходит превращение простого топонима в

сложный: пок. *Korbi ~ Korveniityt*: korbi 'глухой лес' (Кунг., Эссойла)¹, пок. *Korbi ~ Korvenniityt* (Савиново).

В случаях, когда один объект параллельно имеет две формы названия, простое и сложное, трудно определить, какая из них первична. Напр., наряду с названием г. *Huttu* существует другая форма *Huttumägi* (Сав., Черная Ламба). Возможно, в первом случае топоним утратил детерминант. Это происходит для экономии речи. Такое явление, когда отпадает детерминант, называется эллипсисом.

Далее предложены две группы топонимов в зависимости от семантики участвующих в их образовании лексем.

Первая группа – это географические термины, называющие природные и культурные объекты разного рода.

1. Географические термины, называющие природные объекты, можно условно поделить на три подгруппы:

✓ Водные реалии и их части (более 20 терминов):

лужа *Bruudu*: bruudu 'лужа' (Сав., Нехпойла),

родн. *Nouzem*: nouzemi 'родник' (Кунг., Рубчейла) и *Nouzeti* (Салм., Плянки), пок. *Nouzeti* (Сав., Акимово),

прол. *Pisto*: pisto 'запруда в водоеме для ловли рыбы' (Вешкелица),

зал. *Vongu*: vongu 'омут' (Кунг., Кишкойла), омут в оз. Вагатозеро *Vongu* (Салм., Нижняя Салма)

✓ орографические географические термины, характеризующие формы рельефа (понижения и повышения, ровные участки):

бер. *Lakka*: lakka, lakku 'вершина горы' [SMS] (Савиново),

обрыв *Penkku*: penkku 'крутой обрывистый берег реки или озера' (Кунг., Кишкойла),

пок. *Kurzu*: kurzo 'водянистое низинное место, кустарник, бурелом' [KKS] (Савиново). Возможно, в этом же ряду должен рассматриваться и ойконим *Korzu* (Кунг., Корза) как название поселения, расположенного на обширной мелиорированной т.н. Корзинской низине. Впрочем, такая интерпретация

¹ В скобках указывается привязка топонима в формате сельсовет (см. список сокращений), населенный пункт.

оставляет вопрос о гласном *o* в первом слоге. Помимо Сямозерья топоним известен в дер. Каскозеро Крошнозерского с/с (угод. *Korzot*) и дер. Гушкала Нурмольского с/с Олонецкого района (бол. *Korzansuo*).

✓ географические термины, обозначающие участки земли с определенной растительностью и почвой:

бор *Kangas*: *kangas* 'бор' (Салм., Нижняя Салма), ровное боровое место *Kangas* (Кунг., Рубчейла),

пок. *Madarikko* ~ *Madarikonniitty*: *madarikko* 'место, поросшее подмаренником' (Час., Лумбила), (Кунг., Эссойла),

пок. *Vičikkö*: *vičikkö* 'заросли кустов' (Кунг., Эссойла).

2. Перешедшие в топонимы термины культурного ландшафта, которые семантически подразделяются на две подгруппы.

✓ земледельческая терминология, в том числе относящаяся к подсечному земледелию:

поле *Kezando* ~ *Kez'ando*, *Kezändö*, *Kezändönpellot*: *kezändö* 'паровое поле' (Сав., Пеньгисельга),

поле *Pergivö* ~ *Pergivönpuustat* (Сав., Пеньгисельга), пок. *Pergivö* (Кунг., Рубчейла),

пок. *Pergivö* (Сав., Клещейла): *pergivö* 'вырубка, место, очищенное от леса, кустов, обычно занятое под покосами',

сенокос *Rajakko*: *rajakko* 'заброшенная лесная пашня, подсека, пожня' (Час., Корбисельга),

пок. *Kydö* ~ *Kyvönniityt*: ливв. *kydö* 'место, подготовленное под пожогу; сожженная подсека; выжженное под пашню место' (Салм., Нижняя Салма),

дер. *Multikka* ~ *Multikku* ~ *Multikko*: *multikko* 'место, с мягкой почвой; вспаханная земля' [Кузьмин СКНГТ] (Сав., Мултыково).

✓ термины, называющие другие объекты хозяйственного назначения:

поле *Huikutus*: *huikutus*: 'зов, ауканье', т.е. место переправы через озеро, реку, где выкрикивали лодку (Кунг., Курмойла),

брод, место перегона коров *Kualatus*: *kualatus* 'брод, место перехода' (Кунг., Кишкойла),

загон для коров *Sordo*: *sordo* 'изгородь из поваленных деревьев' (Сав., Пеньгисельга), часть дер. Сямозеро *Pogost(u)*: *pogostu* 'погост' (Сямозеро),

дер. *Mökkö*: mökki 'избушка' (Сав., Пал-Наволок),
бер. *Valgamo*: valgamo 'пристань для лодок' (Сав., Черная Ламба), бер. *Valgamo*
(Кунг., Кишкойла), поле *Valgamo* (Сав., Нехпойла).

Многие из функционирующих в качестве простых топонимов терминов находятся на периферии языкового сознания или ушли уже совсем из активного использования. Такие топонимы ценны тем, что служат источником для реконструкции утраченных лексем с ландшафтной семантикой.

Вторую группу образуют простые топонимы, выраженные антропонимами (подробнее об этом в разделе «Типовые топоосновы»). В основном так образуются ойконимы – наименования хуторов, выселков и отдельных деревень, входящих в кусты поселений: дер. *Akentie*: кар. *Akentie* < рус. Авксентий (Вешк., Сяргилахта), дер. *Ananei*, *Ananie*, *Ananii*: кар. *Ananei*, *Ananie*, *Ananii* < рус. Ананий (Сав., Новая Жаживка). Из других объектов модель характерна для сельхозугодий: поле *Torošči*: кар. *Torošči* < рус. Дорофей (Кунг., Эссойла).

В образовании названий деревень используются как календарные (см. примеры выше), так и некалендарные имена: хут. и пок. *Korotkoi*: *korotkoi* 'короткий, небольшого роста человек' (Вешкелица), дер. *Padaniekka*: *padaniekku* 'горшечник' (Вешк., Паданикка), дер. *Telku*: *telku* 'гоголь' (Сав., Телька), дер. *Vallittu*: *vallittu* 'избранный' (Сав., Валлитту). Для идентификации именованных использован ряд исследований по прибалтийско-финской и севернорусской антропонимии [Кузьмин 2016, Кюршунова 2010, Karlova 2016, Nissilä 1976 и др.]

Кроме обозначенных выше в число простых по структуре топонимов входят также так называемые метафорические простые топонимы, содержащие образную характеристику местности. Наиболее распространено метафорическое описание формы объекта:

залив оз. Вохтозеро *Kattila* ~ *Kattilaine* (Сав., Мултыково): кар. *kattila* 'котел', по форме напоминающий котел, кастрюлю;

поле *Pyöräkkö*: *pyöräkkö* 'колоб, круглый пирог с начинкой' (Салм., Нижняя Салма),

поле *Kul'l'ukku*: *kul'l'ukku* 'череп' (Сав., Клещейла), г. *Kul'l'ukku* (Кунг., Эссойла).

В этом же ряду название полянок *Šičši* (Сав., Акимово): *šičši* 'о камне, брошенном вдоль воды' [KKS]. Видимо, образ обусловлен как расположением полянок друг за другом, так и их маленьким размером и округлой формой. Примером метафоры содержания является название горы *Huttu ~ Huttumägi* (Сав., Черная Ламба), в основе которого карельское слово *huttu*, которое обозначает загусту, жидкую мучную кашу, характеризующее 'место (болото) с мягкой почвой'.

Встречаются и так называемые примитивные топонимы, находящиеся еще на этапе превращения апеллятивного образования в топоним. Их выделил в свое время В. Ниссиля [Nissilä 1944], а Н.Н. Мамонтова выявила в большом количестве в олонекской микротопонимии [Мамонова 1982: 122]. Примеры на Сямозере:

место, куда ходили за ягодами *Mäin_ual* 'под горой': *ual* 'под' (Час., Лумбила),

зал. Шотозера *Filipän_taga* букв. 'за Филиппом': *taga* 'за' (Час., Каменьнаволоок),

бер. *Pajan_ual* 'под кузницей': *ual* 'под' (Час., Каменьнаволоок),

угод. *Mäen_ual* 'под горой': *ual* 'под' (Вешкелица).

Наконец, выявляя и описывая разновидности простых по структуре топонимов, следует выделить небольшую группу наименований, выраженных именем прилагательным:

оз. *Kovero ~ Koverjärvi*: *kover* 'изогнутый' (Вешкелица),

поля *Lačši ~ Lačšunpellot*: *lačši* 'низинный, ровный' (Сав., Акимово),

луда в Сямозере *Puöržy*: *puöržy* 'круглый' (Кунг., Эссойла),

каменистое поле *Kivačši*: здесь *kivačši* 'каменистый' (Кунг., Эссойла),

угод. *Kolminaine*: *kolminaine* 'треугольный' (Час., Павшойла),

место, куда ходили за грибами *Tagaine* (Вешк., Сяргилахта), поля *Tagaine ~ Tagaizienpellot*, *Тагань*, *Таганька* (Кунг., Корза): *tagaine* 'задний, дальний, отдаленный'.

Очевидно, часть из них возникла в результате эллипсиса – выпадения основного компонента, происходившего в силу того, что атрибут был способен сам по себе выполнять функцию топонима. С другой стороны, побудительным моментом было суффиксальное оформление прилагательного (*Tagaine*, *Reduine* и др.), т.е. суффикс, собственно, становился знаком топонима.

Главный отличительный признак простых топонимов на фоне сложных – это отсутствие в них определяемого компонента, или детерминанта, называющего разновидность объекта.

При анализе структуры прибалтийско-финских топонимов принято выделять т.н. первичные (представленные выше) и вторичные простые топонимы. С учетом т.н. синтаксической классификации топонимов, ориентированной на синтаксические взаимоотношения между частями, или синтаксическими элементами, топонима и учитывающей синтаксические роли структурных элементов названия – детерминанта и определяющего его атрибута, в ряд простых вводится целый пласт т.н. метонимических топонимов, возникших в ходе переноса названия одного объекта на смежный с ним. В них нет детерминанта, т.е. того структурного элемента, который обозначает класс называемого объекта. Название озера *Ahven/lambi* ‘окунь/озеро’ является сложным, с двумя синтаксически значимыми элементами: основным (или детерминантом) *lambi*, несущего разрядовое значение, и определением к нему *ahven*. Однако структурная ситуация меняется, когда озерное наименование переходит на поселение, название возникшей на берегу озера дер. *Ahvenlambi* не включает в себя детерминанта с семантикой ‘поселение’, а значит, оно не может квалифицироваться как сложное. В нем один структурный компонент – *Ahvenlambi* целиком. В сложное оно превращается в том случае, когда появляется необходимость уточнить класс названного объекта: *Ahvenlammin/hieru* ‘деревня Ахвенламби’. Такой подход был предложен в начале 1970-х годов [Zilliakus 1972, Kiviniemi 1975] и получил признание в прибалтийско-финской топонимике.

Отдельную структурную группу образуют суффиксальные образования как от апеллятивных, так и от антропонимных основ, в целом немногочисленные. Предшествующие исследования доказали, что суффиксы в топонимах исполняют роль индикатора, знака топонима. Кроме того, они способны нести также классификационное, разрядовое значение, иначе говоря, определенный суффикс оформляет топонимы определенного разряда [Kiviniemi 1990, Мулонен 1994: 16]. Наиболее показателен в этом смысле *-l*-овый суффикс как ойконимический маркер (см. подробнее в главе 3). Еще один собственно топонимический суффикс – это *-(i)sto*. Он присоединяется к антропонимной основе: дер. *Akimisto* (Сав., Акимово),

дер. *Vasilisto* (Савиново), дер. *Ivanisto* ~ *Ivanisto* (Кунг., Иванисто), дер. *Lazaristo* (Вешк., Лазаристо). Возникает вопрос, является ли суффикс *-(i)sto* апеллятивным словообразовательным суффиксом или топонимическим формантом? Вероятно, суффикс возник на апеллятивном уровне и постепенно перешел в топонимообразующий. Данный суффикс обозначает коллективность. Напр., словарная статья объясняет *iivanisto* 'дом семьи Ивановых' [СКЯ], т.е. суффикс, присоединяемый к антропонимам, обозначает коллектив жителей деревни. Вепский аналог *-išt* тоже присоединяется к антропонимной основе и образует ойконимы, но здесь, в отличие от карельского, данный суффикс не участвует в образовании апеллятивов [Муллерен 1994: 22].

В разряд топонимических суффиксов перешел показатель множественного числа, использующийся главным образом в наименованиях сельскохозяйственных угодий, а также наименований отдельных поселений. В отличие от апеллятивов, где *-t* обозначает множественность, в топонимах формант *-t* является топонимическим маркером: бол. *Uitot: uitto* 'сырая долина; небольшое озерко' (Сав., Гарбалова Сельга), лес, ольховая чаща *Kasekset: kases* 'подсека, пожар' (Кунг., Рубчейла), луда, тоня *Seibähät: seiväs* 'шест' (Кунг., Эссойла). При этом идея множественности объектов не стерлась полностью, она еще просматривается в ряде случаев в том, что названный объект по сути дела является комплексом целого ряда объектов. Так, нередко сельхозугодья – это определенные урочища, в которых разработан целый ряд участков, принадлежавших разным хозяйствам:

угод. *Kallivot: kallivo* 'скала' (Кунг., Рубчейла): в данном случае имеется ввиду не совокупность скал, а некий ряд сельскохозяйственных полей,

пок. *Puustat: puustu* 'пустошь' (Час., Падройла),

Niemet ~ Leskenniemet: niemi 'мыс' (Кунг., Рубчейла),

поля *Telaizet ~ Telaizienpellot: tela* 'мостки, настил из досок для перехода через реку, болото и пр.' (Кунг., Рубчейла).

В качестве простых топонимов могут выступать деминутивные формы, т.е. оформленные деминутивным суффиксом *-ine*, который тоже является признаком топонима. Данный суффикс присоединяется как к апеллятивной основе:

хут. *Kylyine: kyly* 'баня' (Час., Лумбила),

Ojaine: oja 'ручей' (Час., Корбисельга),

Ristaine: *ristu* 'крест' (Сямозеро), *Ristaine* (Сав., Пеньгисельга),

так и к антропонимной основе:

хут. *Hokkoine*: Ноккои 'Фока' (Час., Проккойла).

Сложные топонимы

Сложные топонимы состоят из двух структурных элементов – детерминанта, указывающего на разряд называемого географического объекта, и определяющего его атрибута.

Детерминант обычно бытует в единственном числе, редко во множественном, обусловленном множеством самих объектов: оз. *Kakarvet* (Сав., Акимово), оз. *Pogranlammit* (Сав., Пеньгисельга), пок. *Lesken/niemet* (Кунг., Рубчейла), о. *Zan'kilan/suaret* (Салм., Плянки), возв. *Hoikan/kallivot* (Вешк., Сяргилахта), пок. *Varoin/mäit* (Кунг., Корза), возв. *Ylähänsorron/sellät* (Вешк., Сяргилахта), г. *Ristan/särkyt* (Вешкелица), поле *Kivi/kannot* (Кунг., Корза), угод. *Kivi/kangahat* (Сав., Пеньгисельга), бер. *Hoikan/liettiet* (Вешк., Сяргилахта), поля *Suurenaijan/pellot* (Салм., Нижняя Салма), угод. *Hopun/huuhtat* (Сав., Пеньгисельга), угод. *Peräsellän/kasket* (Вешк., Сяргилахта) и др.

Детерминант стоит в большинстве случаев в номинативе, за редким исключением в местных падежах: тоня *Suarenkohtas* (Кунг., Угмойла).

В роли детерминанта выступает географическая терминология:

1. Термины, называющие водные объекты и их части (более 20), наиболее продуктивны следующие: *lambi* 'небольшое лесное озеро', *guba* 'губа', *järvi* 'озеро', *niemi* 'мыс', *oja* 'ручей', *suari* 'остров'. Есть и такие, которые фиксируются единожды, например, *kari* '(небольшой) порог; высохшее русло порога; мелкое место (перекат) в реке с быстрым течением': пор. *Suven/kari* (Салм., Нижняя Салма), *kiännelmäys* 'поворот': поворот *Sillan/kiännelmäys* (Кунг., Рубчейла), *ladvu* 'верховье; исток реки, ручья': поле *Tedran/ladvu* ~ *Tedri/ladva* (Час., Каменьनावолок)

2. Термины, характеризующие объекты отрицательного рельефа (6 терминов). Лидером среди детерминантов здесь является *suo* 'болото'. Единичные фиксации у терминов *lemi* 'топкое болотистое место; топь, трясина, зыбун; тина, ил; небольшая лужа; родник' (бол. *Lagipaikanlemi* (Савиново)) и *lodmu* 'низина' (угод. *Tagalodmu* (Вешкелица))

3. Термины, называющие возвышенный рельеф (8 терминов). Здесь в лидерстве конкурируют термины *mägi* 'гора' и *selgy* 'кряж, хребет'. Один раз встречается термин *särky* 'холм, возвышенность (вытянутой формы), кряж': г. *Ristansärkyt* (Вешкелица).

4. Термины, обозначающие участки земли с определенного рода растительностью, почвой и т.д.: *kangas* 'сосновый бор', *kivi* 'камень', *koivikko* 'березняк', *korbi* 'глухой еловый лес', *liete* 'песок', *mua* 'земля, почва, грунт', *pesku* 'песок', *vičikkö* 'кустарник'. У трех последних всего по одному примеру в сямозерской топонимии.

5. Слова, отражающие растительный мир: *hago* 'коряга', *kuuzi* 'ель', *pedäi* 'сосна'. Случаев употребления таких лексем немного. Так назывались места, где были некие примечательные деревья, по которым удобно ориентироваться.

Кроме географических, в качестве детерминанта выступают термины, связанные с хозяйственной деятельностью человека:

1. Термины подсечного и культурного земледелия (16 терминов), среди которых наиболее продуктивными являются *peldo* 'поле' и *niitty* 'луг'. Наименее продуктивными, имеющими всего по одной фиксации, являются *obodu* 'огороженное поле или территория; группа полей; (лесной) выгон' (угод. *Burčanobodu* (Вешкелица)), *palaine* 'полоса пашни; участок; надел пахотной земли; часть, кусок чего-либо' (поле *Potoinpalaine* (Час., Лумбила)), *palo* 'пожог' (угод. *Nagrizpalot* (Кунг., Эсойла)), *suovu* 'место около стога; остожье' (угод. *Haudusuovat* (Кунг., Угмойла)).

2. Термины, называющие типы и виды поселений. Таковых два: *huutor* 'хутор' и *kylä* 'деревня', последний является лидером среди детерминантов сямозерских топонимов. Термин *hieru* 'деревня' в топонимии Сямозерья не отразился, хотя в качестве апеллятива используется активно.

3. Термины, называющие здания, сооружения, постройки: *časounu* 'часовня', *kodi* 'дом', *mel'iččy* 'мельница', *paja* 'кузница', *perti* 'изба', *riihi* 'рига', *sarai* 'сарай', *taloi* 'дом'.

4. Термины, обозначающие прочие объекты хозяйственного назначения: *abai* 'тоня, место рыбной ловли закидным неводом', *dorogu* 'дорога', *haudu* 'яма, впадина', *juamu* 'шоссе', *kaivo* 'колодец', *kujo* 'прогон между изгородями,

проулок', *matku* 'путь, дорога', *murdo* 'привада, место приманивания рыбы', *piha* 'двор; дворовая или приусадебная территория, улица; усадьба', *pisto* 'запруда в водоеме для ловли рыбы', *prud* 'пруд', *punalmus* 'поворот', *regi* 'сани', *ristu* 'крест', *sildu* 'мост', *šuaru* 'разветвление, расхождение', *tela* 'мостки, настил из жердей', *tie* 'дорога', *tropinku* 'тропинка', *valgamo* 'причал, пристань', *vedämö* 'опушка (край) леса, где обычно ставят силки на тетеревов', *veräi* 'ворота, дверь'. Некоторые из них по нашим данным встретились один раз: *juamu* (дор. *Suavolanjuamu* (Кунг., Рубчейла)), *pisto* (угод. *Ondrienpisto* (Час., Лумбила)), *punalmus* (поворот *Kurrenpunalmus* (Вешкелица)), *regi* (дор. *Saviregie* (Салм., Нижняя Салма)).

Последнюю группу составляют детерминанты, отражающие пространственные отношения: *agju* 'конец, край', *alaine* 'нижний', *alus, alustu* 'место под чем-либо, основание', *čuppu* 'край, местность, сторона, угол, конец', *čura* 'сторона в каком-либо направлении, край, местность', *keski* 'середина, центр', *kohtu* 'место, (расположенное напротив)', *laidu* 'опушка, край леса', *perä* 'зад, задняя часть чего-либо', *pohju* 'дно, основание, конец чего-либо, север', *puoli* 'половина', *syrju* 'отдаленный край, сторона', *taga* 'за', *taguine* 'место за чем-то', *piä* 'конец, край чего-либо': мыс *Lamminpiä* (Час., Лумбила), поле *Lamminpiä* (Сав., Пунчойла), тоня *Vezoinpiä* (Кунг., Курмойла).

Таким образом, при кажущейся пестроте в структурном облике топонимов на самом деле число структурных моделей ограничено стремлением к сохранению системности. В качестве детерминанта закрепляются, как правило, родовые термины, объединяющие под собой целый класс объектов (-*suo* 'болото' для всех разновидностей болот). Набор детерминантов определяется также ландшафтными особенностями края, особенностями жизнедеятельности населения, диалектными особенностями лексики.

Второй раздел **Реализация карельских типовых топооснов в топосистеме Сямозерья** посвящен карельским типовым топоосновам в топосистеме Сямозерья.

В исследовании топонимии важно понимание типологии именования: какая лексика используется топонимией, а какая отвергается, а также как она встраивается в структуру названия. Понятие «типичные топоосновы» используется для характеристики наиболее частотных тополексем, т.е. апеллятивов,

которые реализуются в наибольшем числе топонимов. Проблема выявления регулярного, типичного является одной из центральных в топонимических исследованиях. В прибалтийско-финской топонимии она разработана на материале финской топонимии Э. Кивиниеми [Kiviniemi 1990]. В дальнейшем выявлены типовые вепские [Муллонен 1994] и карельские [Kuzmin 2014] тополексемы. В данном разделе предложен обзор топооснов Сямозерья с учетом их продуктивности. При этом они объединены в определенные лексико-семантические группы.

1. Универсальным для топосистем разных языков является активная роль в них географической терминологии, отражающей существующие в природе разновидности ландшафта. Исследования в области прибалтийско-финской топонимии убедительно показывают ее востребованность как в сложных, так и простых по структуре образованиях [Kiviniemi 1990, Kuzmin 2014, Nissilä 1975].

Статистические подсчеты свидетельствуют, что инвентарь ландшафтных терминов включает около *полусотни* терминов, среди которых самыми продуктивными оказались термины, обозначающие гидрообъекты - *lahti, lambi, oja*, что является логичным для территории, где много озер и рек и где, соответственно, строились деревни. На их фоне высвечиваются редкие лексемы, воплотившиеся в качестве топооснов один-два раза:

ĉoroï- 'сырое (влажное) место': бол. *Ĉoroinsuo* (Сав., Каскессельга)

dyleikkö- 'возвышенное место, поросшее лесом': бер. *D'yl'ijikönrandu* (Кунг., Эссойла)

kublu- 'топкое, зыбкое место на болоте, топь, трясина; окно на болоте; мягкая, вязкая земля; зарастающий берег озера; пльвун (небольшой островок) на озере; остров, соединяющийся с материком в малую воду': мост *Kublusildu* (Салм., Нижняя Салма)

lakku- 'возвышенное место; вершина': ур. *Lakkupedäi* (Сав., Черная Ламба), бол. *Lakkupedäjänsuo* (Сав., Черная Ламба)

n'urpu- 'оконечность, вершина чего-либо; острый конец': угод. *N'upunrajakot* (Сав., Гарбалова Сельга)

plönkky- 'небольшое глубокое озерко; крупная глубокая лужа': бол. *Plönkynsuo* (Вешкелица).

Ценность топооснов этого разряда заключается в том, что они сохранили целый ряд утраченных из живого бытования лексем. Топонимия является ресурсом для реконструкции утраченных терминов. В диссертации предпринят анализ нескольких утраченных географических терминов с неясными этимологическими истоками. Реконструкция забытых терминов проводится в широком прибалтийско-финском языковом контексте, включающем как собственно лексические данные по территориально смежным карельским и финским говорам, так и топонимические свидетельства. Последние позволяют восстановить исторический ареал бытования терминов, существенный для реконструкции их генезиса. Важную роль в процессе восстановления семантики термина играла характеристика названных реалий (напр., *Ruppi* – болото, покосы на болоте), служащая ориентиром при реконструкции. Название болота *Ruppi* и сенокоса *Rupan/niityt* отсылают к саволакск. гура ‘ил, тина, грязь’. В свою очередь, наименование прибрежного угодья *Valvatus* с непонятными на ливвиковских языковых материалах истоками может быть сопоставлено с собс.-кар. (Беломорская Карелия) *valvanneh* ‘талое место на замерзшем водоеме осенью’, производные от ск. *valvuo* ‘не замерзать, не закрываться (о полынье)’ [KKS]. Восточно-финские говоры знают термин *valvo* ‘незамерзающее, свободное ото льда место’ [SNA]. Видимо, *valvatus* входит в этот же ряд, но восходит не к кар.*valvuo*, а его каузативному производному **valvattua*. Это производное не известно словарям карельского языка, но может быть реконструировано на основе восточнофин. *valvattaa* ‘течь (о ране)’, к которому восходит отглагольное имя *valvatus* ‘открытая рана, из которой может сочиться кровь’ [KMS]. В этом контексте карельский термин с семантикой ‘полынья’ может быть метафорическим новообразованием. Сямозерские топонимы позволяют продвинуть границы бытования лежащих в их основе терминов на территорию ливвиковского Сямозерья.

2. Вторую группу типовых топооснов образует лексика, характеризующая расположение объектов на местности, всего 20 лексем. Самыми продуктивными здесь оказались лексемы *perä* ‘зад, задняя часть чего-либо’, *taga* ‘задний, отдаленный район’ и *kohtu* ‘место, (расположенное напротив)’. Естественно называть объекты на местности относительно некой точки отсчета, которой обычно служит населенный пункт. Одни лексемы используются преимущественно только в

названиях водных объектов (*ala, alimmaine*), другие сельскохозяйственных (*perä*). Часто в окрестностях одной деревни встречаются топонимы, включающие в себя противоположные лексемы: *ala* 'нижний' – *ylä* 'верхний', *alimmaine* 'самый нижний' – *ylimäine* 'самый верхний', *ezi* 'передняя часть' – *perä* 'зад, задняя часть чего-либо', *pohju* 'север' – *suvi* 'юг'.

ala- 'нижний': оз. *Ala N'olgamärvi* (Лахт., Чуйнаволоок)

ezi- 'передняя часть': пок. *Eziniitut* (Кунг., Эссойла), бол. *Ezisuo* (Кунг., Эссойла)

kohtu- 'место, (расположенное напротив)': поля *Kohtanaidu* (Сав., Клещейла), зал. *Kohtanguba* (Вешк., Сяргилахта), г. *Kohtankangahat* (Вешк., Сяргилахта)

oĉĉu- 'о географическом месте перед чем-либо, передняя часть чего-либо': пор. *Oĉĉukoski* (Салм., Нижняя Салма), г. *Oĉĉumägi* (Кунг., Савала), поле *Oĉĉupeldo* (Кунг., Рубчейла)

perä- 'зад, задняя часть чего-либо': поля *Peräaijanpellot* (Кунг., Угмойла), оз. *Perälambi* (Вешкелица), мыс. *Peräniemi* (Вешкелица), пок. *Peränniityt* (Салм., Нижняя Салма)

3. Большую группу типовых топооснов составляет лексика, характеризующая свойства объекта. При том, что таких качественных лексем, типичных для топонимии, много, их количество, тем не менее, ограничено системой называния. Системность наглядно проявляется в парных названиях: если есть *suuri* 'большой', то есть и *pieni* 'маленький'.

В топонимии представлена характеристика по следующим параметрам:

- размер:

pieni- 'маленький': луда *Pieniluodo* (Час., Каменьнаволоок),

suuri- 'большой': камень *Suurikivi* (Час., Каменьнаволоок)

- форма объекта (*kaidu* 'узкий', *kiery* 'сильно скрученный, перекрученный; скользкий', *korge i* 'высокий', *kover* 'изогнутый', *lyhyt* 'короткий', *pyöryzy* 'круглый', *pitky* 'длинный'). В качестве примера реализация топоосновы **korgei-** 'высокий': угод. *Korgeikangahat* (Вешкелица), г. *Korgeimägi* (Сав., Черная Ламба), кладб. *Korgeiristu* (Сав., Пеньгисельга), г. *Korgeiselgy* (Сав., Клещейла), мост *Korgeisildu* (Сав., Каскессельга), о. *Korgeisuari* (Сав., Новая Заживка), поле

Korgiellsälpeldo (Сав., Клещейла), г. *Korgiemägi* (Лакт., Чуйнаволоок), угод. *Korgietkangahat* (Сав., Черная Ламба)

Из цветовых характеристик самыми популярными оказались цвета *mustu* 'черный', *ruskei* 'красный', *valgei* 'белый', типовые для прибалтийско-финской топонимии, при этом первые два реализуются, как правило, в гидронимах (зал. *Mustulahti*, руч. *Valgeioja*), а третий чаще отражает цвет почвы (поле *Ruskeimua*).

- Временные отношения выражаются словами *vahnu* 'старый' и *uuzi* 'новый', которые используются в наименованиях культурных объектов (поля *Uuziaidu*, *Vanhatpellot*)

Выделены также группы качественных топооснов, характеризующих объекты по рельефу (*jyrky*- 'крутой, обрывистый' – *lačču*- 'пологий, ровный'), по характеру почвы и воды (напр., *muda*- 'мутный', *šittu*- 'грязный') и др. Выявлен ряд устойчивых, неоднократно повторяющихся сочетаний атрибутивных элементов с детерминантами: бол. *Lageisuo*, кол. *Vilukaivo*, луда *Kuivuluodo*, оз. *Mustulambi*.

Свою группу формируют топоосновы, в которых качественность выражена метафорически:

kandeleh- 'кантеле': мыс *Kandelehniemi* (Сав., Телька),

kaššali- 'кошель': пос. *Kaššalilambi* (Вешкелица),

pada- 'горшок': оз. *Padalambi* (Вешкелица), оз. *Padarvi* (Лакт., Чуйнаволоок),

pučči- 'бочка': поле *Puččimägi* (Сав., Пунчойла)

5. Еще одна группа слов, образующих типовые топоосновы – это лексика флоры. В названиях мест в качестве атрибутивного элемента выступают названия деревьев и разных типов лесов (*huabu* 'осина', *kangas* 'сосновый бор', *koivu* 'береза', *korbi* 'глухой еловый лес', *niini* 'липа' и др.), травянистых растений (*korteh* 'тростник, камыш, хвощ', *madarikko* 'место, поросшее подмаренником', *ruogo* 'тростник', *šara* 'осока', *vehku* 'белокрыльник болотный'), ягод (*garbalo* 'клюква', *mandžoi* 'земляника', *tuur'oi* 'морозка', *or'hoi* 'куманика, княженика'), а также сельскохозяйственных культур (*herneh* 'горох', *liinu* 'конопля', *nagris* 'репа', *ozru* 'ячмень', *pelvas* 'рожь', *ruis* 'лен'). Для примера топооснова **koivu**- 'береза': камень *Koivukivi* (Сав., Пунчойла), поле *Koivunaidu* (Сав., Пеньгисельга), зал. *Koivuniemi* (Кунг., Рубчейла), мыс *Koivuniemi* (Кунг., Рубчейла), угод. *Koivuselgy* (Вешкелица), о. *Koivusuari* (Час., Павшойла). Выбор топооснов обусловлен

востребованностью искомым представителей мира флоры в хозяйственной деятельности.

6. Отдельную группу типовых топооснов Сямозерья образует лексика фауны. К интерпретации этимологии топонимов, содержащих в себе названия представителей животного мира, следует подходить осторожно, чтобы не перепутать их с отантропонимными топонимами.

В названиях мест фигурирует лексика, обозначающая зверей (*majai* 'бобр', *reboi* 'лиса', *hukku* 'волк', *kondii* 'медведь', *mägry* 'барсук' и др.), домашних животных (*hebo* 'лошадь', *kaži* 'кошка', *koiru* 'собака', *lammas* 'овца', *oinas* 'баран', *vaza* 'теленоч'), рыб (*haugi* 'щука', *karpoi* 'карап', *kiiškoi* 'ерш', *kuha* 'судак', *lahnu* 'лещ', *säynu* 'язь', *siigu* 'сиг', *särgi* 'плотва' и др.), птиц (*joučen* 'лебедь', *peiboi* 'зяблик', *tedri* 'тетерев', *kuikku* 'гагара', *kurgi* 'журавль') и насекомых (*čirku* 'кузнечик', *čiuoi* 'личинка комара, головастик', *hämähäkki* 'паук'). Названия вызваны, как правило, объективными основаниями

Продуктивность основы *särgi* 'плотва' связана с местами лова: тоня *Särg/abai* (Кунг., Курмойла), зал. *Särgi/lahti* (Час., Павшойла), мыс *Šärgi/niemi* (Лахт., Чуйнаволок), зал. *Särgi/lahti* (Савиново), оз. *Särgi/lambi* (Сав., Симанова Сельга), тоня *Särgi/liete* (Кунг., Угмойла), мыс *Särgi/n'okku* (Кунг., Угмойла), мыс *Särgi/niemi* (Вешк., Сяргилахта), бол. *Särgniemensuo* (Кунг., Курмойла).

7. В последней группе типовых топооснов можно выделить топонимы, связанные с хозяйственной деятельностью человека, с его материальной и духовной жизнью. Эта лексика разнообразна, в ней выделяется несколько подгрупп.

- Самую большую группу образует лексика, связанная с земледелием, животноводством и другими видами сельскохозяйственной деятельности как основного вида жизнедеятельности населения:

heiny- 'трава': угод. *Heinyhuuhtu* (Вешк., Сяргилахта), о. *Heinysuari* (Вешкелица)

höstö- 'навоз': оз. *Höstölambi* (Вешкелица), руч. *Höstöoja* (Вешкелица), бол. *Höstösuo* (Вешкелица)

kaskes- 'подсека': бол. *Kaskeksensuo* (Кунг., Эссойла), мыс *Kaskesniemi* (Сав., Кяпписельга)

kezando- 'незасеянное поле': поля *Kezändönpellot* (Сав., Пеньгисельга), *Kezandopeldo* (Сав., Погойла)

kydö- 'место, подготовленное под пожогу; сожженная подсека; выжженное под пашню место': поле *Kувönaidu* (Сав., Гарбалова Сельга), поле *Kувönpeldo* (Сав., Черная Ламба)

obodu- 'огороженное поле или территория; группа полей; (лесной) выгон': г. *Obodanmägi* (Вешкелица)

palo- 'пожог': мыс *Paloniemi* (Сав., Акимово), бол. *Palosuo* (Кунг., Угмойла)

peldo- 'поле': о. *Peldod'ogensuaret* (Час., Пески), пок. *Peldojovenniitut* (Час., Улялега), мыс *Peldoniemi* (Вешкелица),

pergivö- 'вырубка, место, очищенное от леса, кустов': угод. *Pergivönpuustat* (Сав., Пеньгисельга), бер. *Pergivönrandu* (Сав., Черная Ламба), возв. *Pergivönselgy* (Сав., Черная Ламба)

razi- 'вырубленная, но неспаленная подсека': поля *Razinpellot* (Сав., Клещейла),

sordo- 'огороженное (лесное) пастбище, выгон; изгородь из валежника или поваленных деревьев': оз. *Sordolambi* (Вешкелица), поле *Sorrončuppi* (Сав., Нехпойла)

suovu- 'место около стога; остожье': бер. *Suovanvongu* (Салм., Нижняя Салма).

• Лексика, называющая здания, сооружения и другие объекты хозяйственного назначения, также встречается в составе топонимов Сязозерья: *kaivo* 'колодец', *koda* 'шалаш, домик, конура, будка', *kodi* 'дом', *kuutti* 'лодка-долбленка', *kyly* 'баня', *mel'l'ičšu*, *mylly* 'мельница', *perti* 'изба', *riihi* 'рига', *sarai* 'сарай' и др. Наиболее продуктивная лексема – *melličšu*: пок. *Mel'l'ičanniitut* (Час., Пески), мост *Mel'l'ičansildu* (Кунг., Ангенлахти), руч. *Mel'l'ičoja* (Час., Шомба), оз. *Mel'l'ičälambi* (Час., Пески), руч. *Meličänoja* ~ *Myllynoja* (Кунг., Рубчейла), зал. *Melličšyguba* (Час., Лумбила), р. *Melličšujogi* (Сав., Гарбалова Сельга), оз. *Melličšylambi* (Час., Павшойла), руч. *Melličšylamminoja* (Сав., Пунчойла), мыс *Melličšäniemi* ~ *Melličniemi* (Час., Лумбила), руч. *Melličšoja* (Час., Лумбила), зал. *Melličänguba* (Сав., Пунчойла), оз. *Melličänlambi* (Вешкелица), бер. *Melličänrandu* (Сав., Пунчойла). Видимо, это связано с тем, что мельница – хороший ориентир, относительно которого удобно называть другие места.

- К типовым топоосновам относятся и те, в которых отражается лексика, описывающая пути и средства передвижения.

dorogu- 'дорога': оз. *Dorogulambi* (Сав., Новая Заживка), поля *Dorogupellot* ~ *Dorogupeldo* (Кунг., Курмойла), поля *Dorogurannanpellot* (Салм., Нижняя Салма)

huigutus- 'место переезда с одного берега водоема на другой': мыс *Hu(ig)utuksenn'okku* (Кунг., Угмойла)

juamu- 'шоссе': угодье *D'uamanpie* (Салм., Нижняя Салма)

ladu- 'след, колея, путь': оз. *Ladulambi* (Сав., Клещейла)

lauttu- 'плот': оз. *Lauttulambi* (Вешкелица)

matku- 'путь, дорога': оз. *Matkajärvi* (Вешкелица), зал. *Matkulahti* (Час., Пески), луда *Matkuluodo* (Кунг., Эссойла)

regi- 'сани': бол. *Regisuo* (Кунг., Курмойла)

sildu- 'мост': поля *Sildupellot* (Час., Шомба), поворот *Sillankiännelmys* (Кунг., Рубчейла), хут. *Sillankorvu* (Сямозеро), поле *Sillanpiä* (Салм., Плянки),

tie- 'дорога': г. *Tieselgy* (Сав., Клещейла)

- Лексика охоты и рыболовства также получила свое отражение в топонимах Сямозерья, отражая традиционные промыслы населения края.

kiimu- 'токование птиц': зал. *Kiimuguba* (Кунг., Угмойла), бол. *Kiimusuo* (Сав., Сыссойла), оз. *Kiimärvi* (Вешкелица)

merdo- 'привада, место приманивания рыбы': руч. *Merdojanoja* (Вешкелица), оз. *Merdulambi* (Сав., Кяпписельга)

piihiti- 'ловушка, капкан на лис': дер. *Pihtlahti* (Савиново), зал. *Piihtulahti* (Сав., Акимово)

pisto- 'запруда в водоеме для ловли рыбы': мыс *Pistoniemä* (Вешкелица)

vihki- 'конструкция из веток, направляющая птицу в силос; ограда из хвороста; часть ограды, продолжающаяся в воду': луда *Vihkiluodo* (Кунг., Ангенлахти).

- В типовых топоосновах отражаются и прочие занятия жителей: кузнечное дело (*paja* 'кузница': оз. *Pajalambi* (Сав., Клещейла), г. *Pajamägi* (Кунг., Корза)), смолокурение (*ruga* 'смола': зал. *Rugaguba* (Ляхт., Чуйнаволоок); *tervu* 'смола': пор. *Tervukoski* (Салм., Нижняя Салма), зал. *Tervulahti* (Кунг., Курмойла), оз. *Tervulambi* (Час., Лумбила), гор. *Tervuvuori* (Сав., Кяпписельга)), замачивание льна (**livočču-**,

ligatus-, livotus- 'место, где мочили лен': оз. *Livoččulambi* (Кунг., Курмойла), оз. *Ligatuzlambi* (Кунг., Курмойла), оз. *Livotuslambi* (Салм., Мишинсельга)) и др.

• Социальные, этнические и прочие отношения также выражаются в топонимах Сязозерья:

kanzu- 'семья, родня, народ': угод. *Kanzanhuuhtu ~ Kanzahuuhtu* (Вешкелица)

lappi- 'лопарь': о. *Lapinsuuri* (Кунг., Эссойла)

leski- 'вдова': зал. *Leskenguba* (Час., Лумбила), пок. *Leskenniemet* (Кунг., Рубчейла)

ruočči- 'финн, шведский подданный': мыс *Ruoččiniemi* (Вешкелица), г. *Ruočimägi* (Кунг., Эссойла), о. *Ruočinsuuri* (Салм., Нижняя Салма), бол. *Ruočinsuo* (Кунг., Эссойла)

seppu- 'кузнец': г. *Sepänsuarenmägi* (Час., Павшойла)

8. Отантропонимные модели.

На территории Сязозерья отантропонимные названия, т.е. топонимы, образованные от имен и прозвищ бывших основателей или владельцев мест, носят массовый характер. Широкое распространение отантропонимных моделей является топонимической универсалией, характерной для сельскохозяйственного типа поселения. Отантропонимные названия представлены наименованиями поселений, в которых нередко сохраняется имя основателя / первопоселенца, а также названиями сельхозугодий. В целом ряде случаев за последними скрываются бывшие ойконимы, т.е. названия утраченных поселений.

В карельской топонимии Сязозерья выделяются отантропонимные названия от календарных и некалендарных имен. Календарные имена – это христианские имена, пришедшие в карельский именованослов из русского языка и бытующие во множестве местных вариантов. В массе своей это мужские имена, их в списке антропонимных топооснов Сязозерья около 80, при этом практически каждое воплотилось не в одном варианте. Здесь приведем только два примера:

кар. **Dekku, Dekki, Jouhki, Jovki** < рус. **Ефим**: хут. *Dekku*: кар. (Вешк., Декку), пок. *D'ekoinsuonniityt* (Салм., Нижняя Салма), г. *D'ekunmäet* (Час., Лумбила), о. *Dekansuuri ~ Dekkusuari* (Сав., Мултыково), пок. *Dekinniitty* (Сав., Черная Ламба), бол. *Dekoinsuo* (Салм., Нижняя Салма), оз. *Dekunjärvi* (Час., Лумбила), луда *Djekkinluodo* (Вешк., Сяргилахта), дер. *Johkinkylä* (Сав., Черная Ламба), мельница *Joukinmelličcy* (Сав., Гарбалова Сельга), дор. *Jovkindorogu* (Сав.,

Гарбалова Сельга), дер. *Jouhki* ~ *Jovkinkylä* ~ *Jovki* (Сав., Ефимова Сельга), мельница *Jovkinmelličcy* (Сав., Гарбалова Сельга), бол. *Jovkinsuo* (Сав., Ефимова Сельга)

кар. **Ipoi, Iroi, Iivana, Iivoi, Išoi, Juva, D'uva, Van'a** < рус. **Иван**: поле *Ipoinpeldo* (Сав., Пеньгисельга), поле *Ivanansel'l'änpeldo* (Час., Лумбила), кол. *Ivoinkaivo* (Сав., Акимово), поле *Ivoinpeldo* (Сав., Акимово), угод. *Ivoinselgä* (Вешкелица), оз. *Ipoilambi* (Час., Лумбила), поле *Ipoiniemi* (Час., Лумбила), тропа *Ipoinkujo* (Сав., Пеньгисельга), хут. *Išoi* (Час., Корбисельга), оз. *Išoinjärvi* (Час., Лумбила), пок. *Išoinniityt* (Кунг., Рубчейла), руч. *Išoinoja* (Час., Лумбила), поле *Išoinpeldo* (Час., Лумбила), бер. *Išoinrandu* (Салм., Нижняя Салма), пок. *D'uvansuo* ~ *Juvansuo* (Час., Каменьनावолок), поле *Juvanpellot* (Час., Каменьनावолок), кол. *Van'ankaivo* (Сав., Акимово), лужа *Van'anluhtu* (Сав., Акимово), мельница *Van'annel'l'ičcy* (Сав., Акимово), поле *Van'apeldo* (Сав., Акимово).

Список некалендарных именовании не столь обширен (до 20 антропонимов), при этом большинство из них содержит в основе лексему, заключающую в себе негативную характеристику человека:

höngy 'глупый': дер. *Höngy* ~ *Höngänkylä* ~ *Höngänkyläine* (Сав., Черная Ламба),

käppi 'о невысоком, худом или некрасивом человеке': дер. *Käpinkylä* ~ *Käppi* (Сав., Кяписельга).

По-видимому, набор отантропонимных топооснов шире, однако их истоки нередко затемнены. Так, название угодья (видимо, бывший хутор) *Kodr'akku* и его варианты: *Kodrakku*, *Kodr'uakku*, рус *Кодряки* не имеет убедительной карельской интерпретации, однако привлечение финских диалектных данных позволяет предполагать в основе антропоним, ср. фин. диал. *kotrake* 'злопыхатель; насмешник', *kotrakka* 'бойкий, деятельный', *kotras* 'жадный' [SMS]. Топонимический архив Финляндии содержит ряд примеров топонимического бытования (названия домов) основы в виде *Korta*, *Kotrake*; *Kotro*, в том числе в Восточной Финляндии [SNA].

Отантропонимные топонимы представлены ойконимами, называющими поселения разного типа, а также наименованиями сельхозугодий. Стоит здесь упомянуть, что отантропонимный характер присущ и множеству простых по

структуре ойконимов, в том числе суффиксально оформленным. Среди них, прежде всего, массив *-I*-овой ойконимии, которая в карельской своей части имеет исключительно антропонимический характер и содержит в основе имя первопоселенца деревни или ее основателя.

В итоге наибольшей продуктивностью обладают отантропонимные топоосновы. Далее следует ландшафтная терминология, что понятно с позиций номинации: характерный географический признак является одновременно и индивидуализирующим [Муллерен 1994: 42]. Частотность топооснов-прилагательных обусловлена тем, что они выделяют самый показательный, самый естественный с точки зрения номинации признак объекта (размер, форма и т.д.). В следующую группу объединяются топоосновы, характеризующие хозяйственную деятельность населения. Примерно одинаковой продуктивностью обладают топоосновы, называющие представителей мира флоры и фауны.

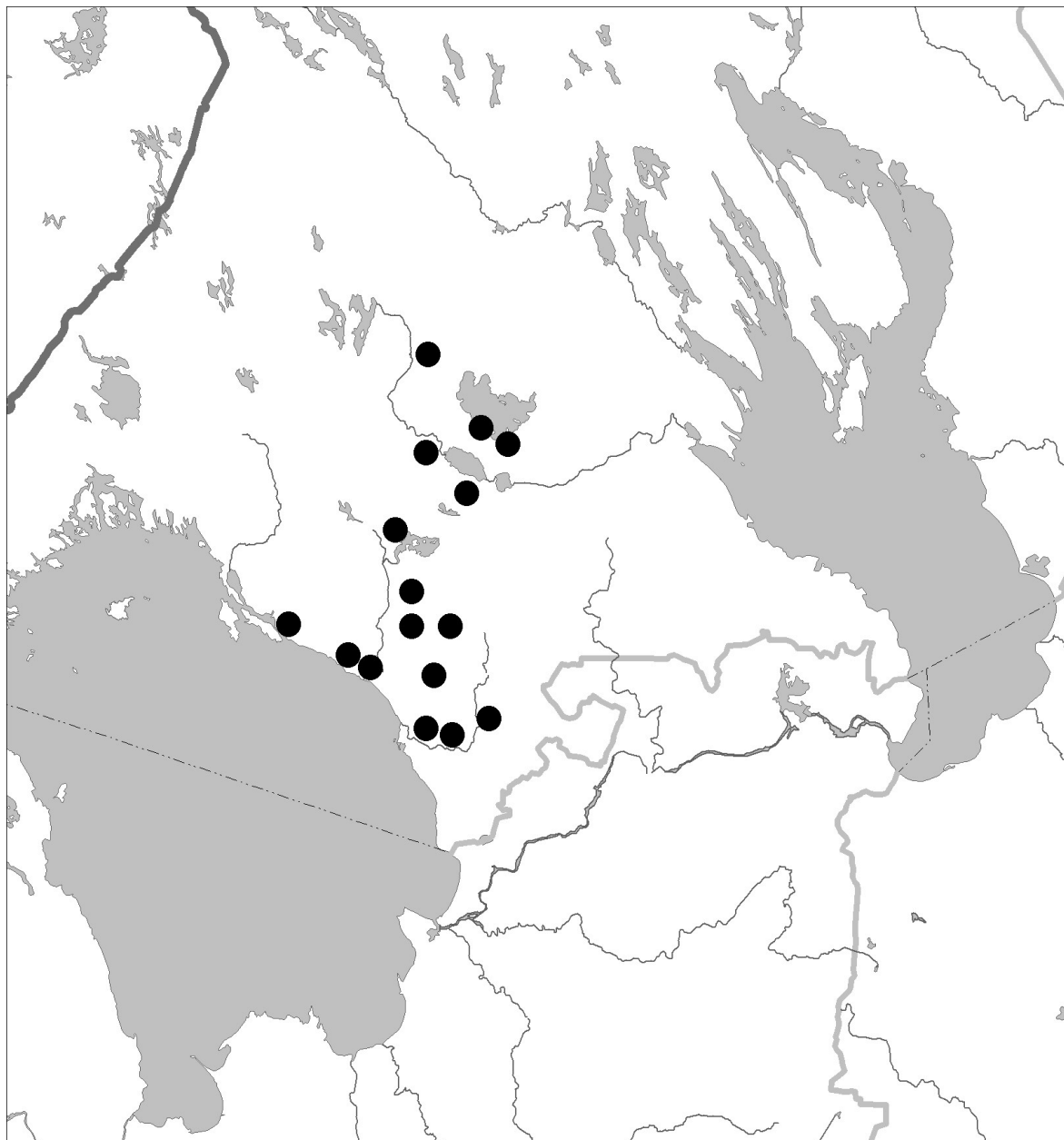
Просматривается определенная закономерность и в распределении топонимов в зависимости от типа географических объектов. В то время как топоосновы из мира флоры и фауны преобладают в названиях природных объектов, отантропонимные именованья продуктивны, прежде всего, в наименованиях культурных объектов, а также наименованиях, указывающих на относительное местоположение.

Третья глава научно-квалификационной работы – «**Ареальная дистрибуция топонимных моделей в Сямозерье**». В ней предложен ареальный подход к топонимным моделям. В соответствии с описанной в первой главе методикой в общей массе топонимов Сямозерья выявляются перспективные с точки зрения картографирования структурные модели или топоосновы, которые привязываются к карте, вписываются в более широкий топонимический фон, затем анализируется полученный топонимический ареал. В результате анализа устанавливается центр ареала, его возможные исходные пункты, пути продвижения в Сямозерье и интерпретируются стоящие за ареальной характеристикой этноязыковые и историко-культурные реалии.

В этой главе прокартографированы разные типы топонимных моделей, всего подготовлено 10 карт. В квалификационной работе в качестве примера приведено

несколько карт с комментариями, построенные на материале структурных моделей, а также топооснов, в том числе заимствованных.

Alho-

Материал:

угод. *Alho* (Видл., Илляла), угод. *Alhonnaityt* (Олон., Сеппювара), *Alhonsuo* (Олон., Тенгусельга), угод. *Alhonnaityt* (Олон., Сорочья гора), угод. *Alhonnaityt* (Олон., Тулосозеро), угод. *Alhot* (Олон., Самбатукса), угод. *Alho* (Видл., Сорбола), кол. *Alhonkaivo* (Видл., Кавайно), угод. *Alho* (Олон., Унойла), руч., угод. *Alhot* (Олон., Левендукса), угод. *Ristanalho* (Салм., Каркку). На территории южнокарельских приладожских говоров можно отметить по крайней мере две топонимические фиксации: угод. *Alhoniitty* (Суояр., Хаутавуара), пос. *Alho* (Имп.,

Куркиёки). В Сямозерье 4 фиксации: руч. *Alhonoja* ~ *Alhond'ogi* и бол. *Alhonsuo* (Кунг., Корза), пок. *Alhonniiyt* (Салм., Ламбисельга), угод. (*Alhot* (Час., Пески), пок. *Algo* (Вешк., Харитонова Гора).

Апеллятив *alho* отмечен в узком ареале на собственнокарельском-ливвиковском пограничье: в севернокарельском говоре Суйстамо и двух ливвиковских – салминском и видлицком, где имеет значение 'болотистое место, пригодное для покоса; отдаленный покос; луг; низина' [KKS]. Термин зафиксирован также в самом южном ливвиковском говоре Кондуши, причем в сформированном метатезой облике *ahlo*. Последний факт свидетельствует, видимо, о более широком ливвиковском ареале термина в прошлом, что, собственно подтверждает и топонимия (см. ниже).

Из родственных прибалтийско-финских языков термин *alho* 'низина (в том числе такая, в которой стоит вода)' известен финскому и под вопросом эстонскому [SSA]. При этом примечателен финский ареал слова: прежде всего, западные говоры [SMS], в контексте которых оправдана и эстонская фиксация, однако требует пояснения карельская, отделенная ареально от западного финско-эстонского ареала. Как сформировался карельский ареал термина? Для ответа на этот вопрос полезно привлечь карельский топонимический материал, который обрисовывает несколько более широкую территорию, чем собственно лексический. Топооснова *Alho*- довольная продуктивна на юге Карелии, на ливвиковском Олонецком перешейке, где используется в названиях угодий, болот, покосов, колодцев ручьев.

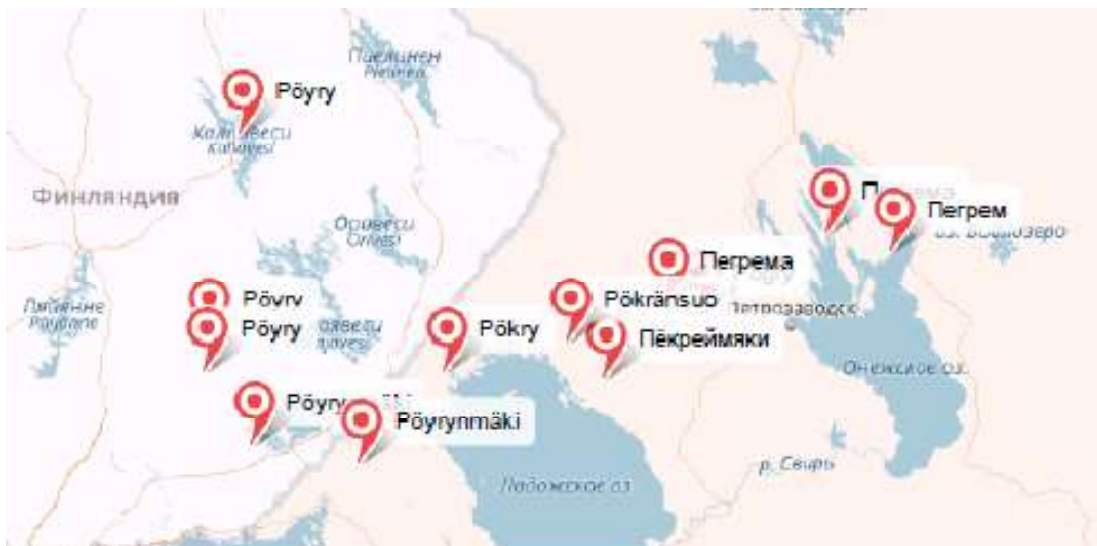
В Сямозерье обнаружено четыре топонима с основой *Alho*-, притом, что сам термин на Сямозере неизвестен. Топонимные фиксации позволяют вписать Сямозерье в единый ареал с более западными ливвиковскими говорами и одновременно констатировать, что термин не распространился за пределы Сямозерья на восток и север.

Итак, термин (в том числе с учетом топонимических фиксаций) характеризуется в карельском языке локальным ареалом, объединявшим в прошлом приладожские севернокарельские и – с учетом топонимических данных – подавляющее большинство традиционных ливвиковских говоров. Он не известен

собственнокарельским говорам Карелии и людиковскому наречию. Исходя из такого ареала, следует полагать, что термин может быть относительным нововведением, инновационным словом, распространившимся в ливвиковский ареал из Приладожья, куда, в свою очередь, пришел из более западных районов Финляндии вместе с выходцами оттуда.

Ареал указывает на плотные связи между собственно карельскими и ливвиковскими говорами в Приладожье. При этом отсутствие термина в собственно карельских южных говорах – тверских, тихвинских, а также представленных в средней Карелии, и формировавшихся в ходе массового переселения карелов из Приладожья в XVI-XVII вв. [Бубрих 1947, Новак 2016], позволяет полагать, что термин стал активно использоваться в Приладожье уже после XVII века. Его активности способствовало, очевидно, то, что места, характеризовавшиеся термином *alho*, были вовлечены в сельскохозяйственную деятельность. На них размещались сенокосы. Именно поэтому термин неоднократно воспроизведен и в топонимии.

***Pögr-**

На данный момент в Карелии обнаружено 7 названий *Pöyry ~ Pökry*,

Пегрема:

1. пок. *Пегрема* (Вешкелица),
2. пок. *Pöyry* (Кунг., Эссойла),
3. поле *Pökry* (Сорт., Яаккима),
4. бол. *Pökränsuo* у оз. Пюхярви (Сорт.),

5. г. *Пёкреймяки* (Питкяр., Салми),
6. дер. *Пегрема* (Великог., Пегрема),
7. уг. *Пегрем* (Великог., Тамбицы)

В топонимии восточной Финляндии: гора *Pöyry* ~ *Pöyrynmäki* (Antrea, Lemi), песчаный мыс *Pöyry* (Kemijärvi), угодья *Pöyry* в провинциях Куорю, Mikkeli, Ristiina и др.[Nimiarkisto.fi].

В народной этимологии название заонежской деревни принято объяснять как Оленья земля, т.е. реконструировать прибалтийско-финский оригинал как *Pedra/maa. Однако такая реконструкция противоречит фонетическим закономерностям. Заманчиво ввести топоним *Пегрема* в ряд названий, образованных от ландшафтных терминов, оформленных суффиксом *-ma*, типа финских *kaljama* ‘скользкое место’, *lahtema* ‘залив’, *rantama* ‘побережье’, *poukama* ‘бухта’ и многие др. [Наkulinen 1968]. Для реконструкции исторической словообразовательной основы, которая имела вид *рекгу или *рөкгу, можно привлечь данные восточных финских говоров, которые образовались исторически на основе древнекарельского языка. В них сохранилось слово *röyry* ‘песчаная или земляная гора, песчаная возвышенность, склон, берег’ (данные Топонимического архива Финляндии). Фонетически финское *röyry* и реконструированное карельское **röкгу* соотносятся как *naula* – *nakla*, *nuaglu* ‘гвоздь’, *mäyrä* – *mäkrä*, *mägru* ‘барсук’ и др. Топоним *Пегрема*, зафиксированный в архивных материалах XIX в. в числе сенокосных угодий с. Вешкелицы, могла по-карельски выглядеть, как *Pögrymä*, *Pögrymu* и называть относительно высокое место, возможно, песчаное. Эта гипотеза требует подтверждения в виде ландшафтной характеристики названного места, в чем могли бы помочь архивные карты землепользования, которые пока не удалось обнаружить. Однако показательно, что отличительная особенность заонежской *Пегремы* состоит в том, что только здесь имеются песчаные пляжи, остальные побережья Уницкой губы сплошь каменистые. Если наше предположение верно, то и заонежская Пегрема могла исторически характеризовать ландшафтно-идентичную местность, а сам топоним иметь карельские истоки.

Ареальная характеристика указывает на приладожские для Сязозерья истоки модели. При этом она уходит на восток в Заонежье и, таким образом, укладывается

в ряд других карельских, приладожских по своим истокам моделей, которые отражают экспансию карелов на восток, происходившую, видимо, в XVI-XVII вв. [Муллерен 2008: 188-190].

Rossu

Материал

Кладбища в Сямозерье *Rossu* (Час., Кибройла), *Roššu* (Час., Корбисельга), *Rossu* (Час., Лумбила), *Rossu* (Час., Павшойла), *Rossu* (Кунг., Корза), *Roššu* (Салм., Нижняя Салма), *Rossu* (Кунг., Рубчейла), *Roššu* (Кунг., Эссойла), *Рошца* (Сям., Сяпся). «Рощами» названы и некоторые традиционные кладбища в окрестностях Олонца: *Roššu* (Крошн., Каскесозеро), *Jarkunroššu* (Ильин., Антула), *Roššu* (Олон.,

Тергелица). И на Ведлозере, и на Сямозере термин представлен и в названиях урочищ и угодий: *Roššu* (Кунг., Эссойла), *Roššanpeldo* (Крошн., Щеккила), *Roššuniitty* (Больш., Пертозеро).

Топонимы с основой *Rossu* функционируют в Сямозерье наименованиях традиционных кладбищ, имеющих ряд общих признаков: выделяющаяся на местности тесная группа хвойных деревьев на возвышенном месте. Для обозначения кладбища в карельских говорах используются термины *kalmisto*, *kalmis(z)muu*, *kuuzikko*, букв. ‘ельник’, реже *männikkö*, букв. ‘сосняк’. В Сямозерье встречаются названия кладбищ *Kalmoi*: карел. *kalmoi* ‘кладбище’ (Час., Павшойла), *Kladbiššu*: карел. *kladbiššu* ‘кладбище’ (Кунг., Ангенлахта). Однако чаще всего кладбища здесь называют термином *rossu* / *roššu*. Будучи явным русским заимствованием, в лексике термин *rošša* / *roššu*, *rossa* / *rossu* представлен в ливвиковском наречии, в южно-карельских диалектах, а также в тверском, тихвинском и валдайском диалектах карельского языка. Если в Олонецкой Карелии термин обозначает как лес, так и кладбище, то например, в Тихвинской Карелии это только кладбище, а в Тверской и Валдайской Карелии это только роща [KKS].

При этом термин отсутствует в людиковских, собственно-карельских говорах Карелии, а также в восточно-финских говорах. Такая ареальная дистрибуция свидетельствует о явной привязке термина к региону карельского Приладожья, где термин мог закрепиться еще до исхода карелов из Приладожья, с одной стороны, в Верхневолжье, с другой, в среднюю Карелию, а затем распространиться с оттоком карелов в Олонец, на Ведлозеро и Сямозеро.

Проблема, однако, состоит в том, что ни один из источников по диалектной русской лексике не приводит напрямую значение ‘кладбище’ для лексемы *роща*, которая известна здесь как ‘молодая поросль кустарника; молодой смешанный лес; поляна в лесу; лесная дача’ [СРНГ: 210 – 211]. В Тихвинском районе термин используется в названиях кладбищ: *Šiämykäšroššane* (Тихв., Опока), *Kalmasrošša* (Тихв., Моклаково), соответственно, в Тверской Карелии термин представлен в составе топонимов, называющих лес: *Lukanrošša* (Твер., Никулино). Некоторый отголосок улавливается в выражении *пойти в рощу* ‘умереть’ в говорах Сибири [СРНГ: 211], в древнерусской семантике ‘лес, не подлежащий вырубке’ [СРЯ: 223].

В восточном Обонежье, в частности, в Кенозерье, существует целый ряд заповедных (или святых) роц, в которых существует запрет на вырубку деревьев, при этом некоторые из них известны как кладбищенские. Поэтому не до конца понятно, было ли у русского термина на момент усвоения его в карельский в Приладожье значение 'кладбище' или оно выкристаллизовалось окончательно в карельском.

Ареал термина и топонима с основой *Rossu* привязан, как мы видим, к Онежско-Ладожскому перешейку, и Сямозерье в нем занимает важное место. Однако чтобы сделать более надежные и обоснованные выводы о формировании ареала, следует, видимо, вписать этот материал в более широкий этнокультурный контекст, в частности, становления административного членения, влияния православия и т.д.

Lyöžy-

Материал

угод. *Luožo-oboda* (Падан., Кармасельга), угод. *Luožopeldo* (Падан., Лосиная Гора), место *Doroganluožo* (Паданы), уроч. *Luožeikko* (Видл., Пертозеро), бол. *Luožijikko* (Видлица), угод. *Luožoiniitty* (Ведл., Киннерма), родн. *Luodzoinouzemi* (Ведл., Щукनावолок), бол. *Luodžoinsuo* (Ведлозеро), пок. *Lyöžu* или *Lyöžänniityt* (Салм., Ламбисельга).

В названии покоса *Lyöžu* или *Lyöžänniityt* (Салм., Ламбисельга) выступает утраченный современными сямозерскими говорами термин *lyöžu*, однако бытование его в прошлом на Сямозере подтверждается материалами 6-томного словаря карельского языка, которые собирались в 1920-е годы: *lyöžö* ‘водянистое место, лужа’ [KKS]. Отмечается, что термин зафиксирован кроме Сямозера также в Иломанси и Видлице, а в виде производного *lyöžeikkö*, *lyöžeikkö* ‘водянистое место, место в лужах’ в Суйстамо и Ругозере [KKS]. При этом в говорах Приграничной Карелии (Иломанси, Суоярви, Суйстамо) у термина есть заднерядный вариант *luozo~luožo*, он известен и в территориально смежных ливвиковских Салми и Сямозере. Тем самым выявляется ареал, привязанный к собственнокарельско-ливвиковскому пограничью. Кроме того, зафиксирован и третий фонетический вариант термина – *ložo*, бытовавший главным образом в собственно-карельских говорах северной и центральной Карелии, но известный и на Сямозере [KKS]. Ареал дополняют восточнофинские говоры, где термин в виде *lyösä*, *lyösö*, *lösö* фиксируется неоднократно: ср. *lyösä* ‘грязная лужа’ (Кякисалми), ‘маленькая грязная лужа у дороги, которая в сухое лето высыхает’, ‘водянистая низина или низинная глиняная местность’, а также ‘возделанный покос’ (Руоколахти), *lyösö* ‘водянистая низина, сырая местность’ (Пиэлисъярви), *lyösö ~ luoso* ‘низина с водой’ (Куркиёки). На Карельском перешейке был широко представлен заднерядный вариант *luosa* ‘маленькое озерко, лужа, которая летом часто высыхает’, а также *lösö* ‘сырая скалистая местность’ [SNA].

Этимологически термин является древнерусским заимствованием, восходящим к рус. *лужа*. На раннюю хронологию заимствования указывает дифтонг *uo* в карельском слове [Kalima 1952: 53]. По данным этимологического словаря финского языка помимо карельского и восточных финских говоров термин

засвидетельствован также в эстонском [SSA]. При этом ареал термина свидетельствует о карельском посредничестве в его усвоении в восточно-финские говоры или даже скорее карельских истоках.

Топонимические материалы, в том числе с территории Центральной Приботнии на западе Финляндии, расширяют ареал исторического бытования термина и также подтверждают карельские корни слова в восточной Финляндии, поскольку топонимический ареал убедительно накладывается на территорию бывшего карельского присутствия – северо-западное Приладожье, Карельский перешеек, район Сайменских озер, а также узкий т. н. «саволакский» клин на границе центральной и южной Приботнии.

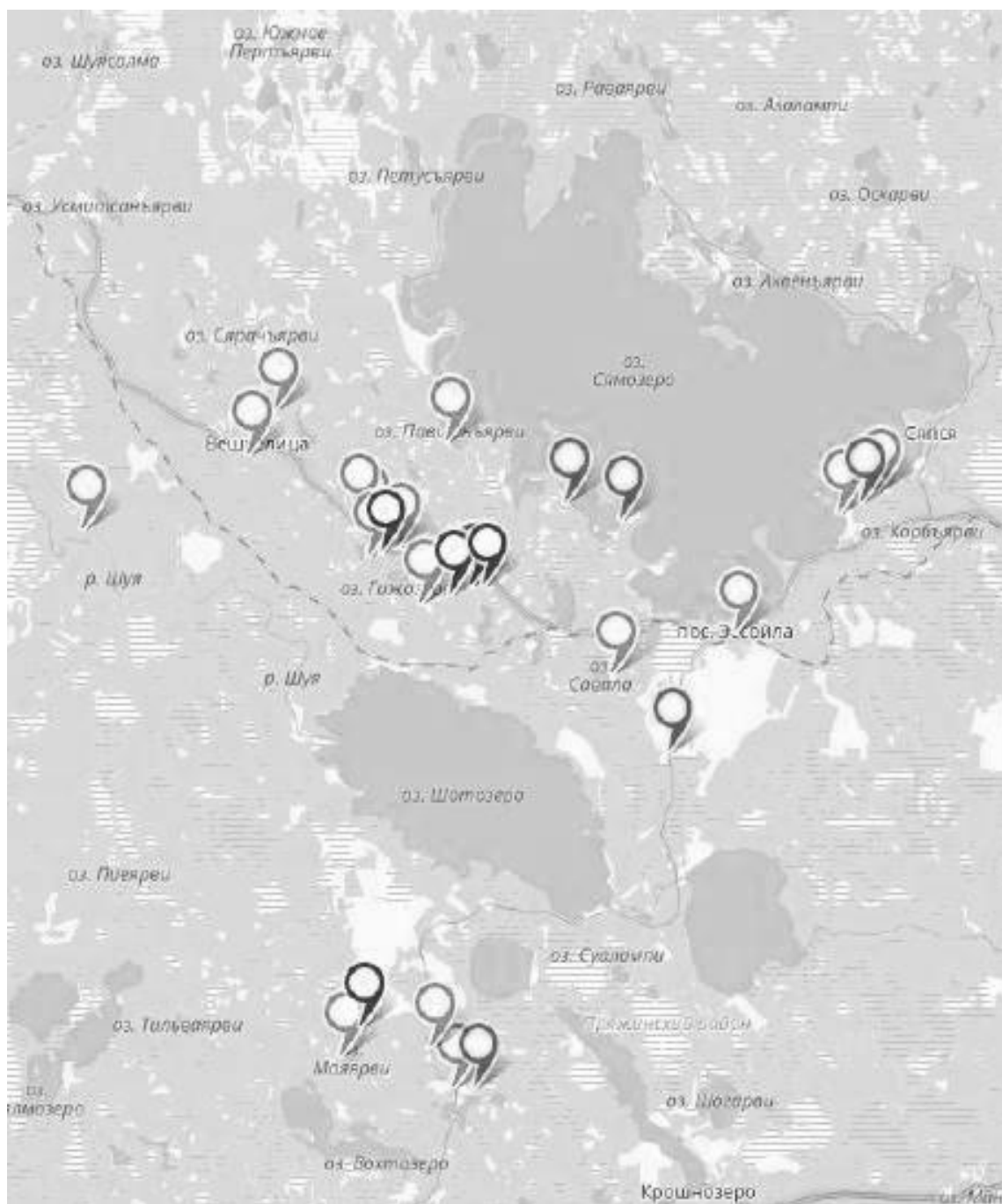
В свою очередь, на востоке топонимическое функционирование засвидетельствовано на Сегозере, а также Ведлозере (см. список топонимов). В этом же ряду и пок. *Lyöžy* или *Lyöžänniityt* на Сямозере (Салм., Ламбисельга). Он тяготеет к Ведлозерью, находясь, собственно, на водоразделе ведлозерского и сямозерского ареалов, и помечает юго-восточную границу ареала, тянувшегося из Северного Приладожья. Тем самым доказывается, что забытое сейчас на Сямозере слово пришло сюда с карельским освоением, которое продвинулось на восток с территории Карельского перешейка. При этом подтверждается пограничность Сямозера: термин практически не вышел за его пределы на восток.

Ойконимы с суффиксом *-lu, -l*

Материал

Ahroilu, рус. *Ахнойла*; *Ar'koilu*, рус. *Арькойла*; *Fadil*, рус. *Фадела*; *Gauroilu*, рус. *Гавройла*; *Glimoilu*, рус. *Глимойла*; *Heččil*, рус. (Гетчула) *Савиново*; *Hedul*, рус. *Хедула*; *Jelkkula (D'elkkula)*, рус. *Елкула (Пеньгисельга)*; *Jessoilu (D'essoilu)*, рус. *Эссойла*; *Kibroilu*, рус. *Кибройла*; *Макkoilu*, рус. *Маккойла*; *Meloilu*, рус. *Мелойла*; *Miinal, Miinoilu* рус. *Минойла*; *Nehroilu*, рус. *Нехнойла*; *Nikkoilu*, рус. *Никкойла*; *Padroilu*, рус. *Падройла*; *Paušoil*, рус. *Павшойла*; *Pekkil'a (Pekkil)*, рус. *Пеккиля*; *Prokkoila*, рус. *Проккойла*; *Sissoilu (Sissoine)*, рус. *Сыссойла*; *Timohpielu*, рус. *Корбисельга*; *Vuaččil (Vuaččoilu)*, рус. *Ваччойла*; *Kiškoilu*, рус. *Кишкойла*; *Kurtoilu*, рус. *Курмойла*; *Närhil*, рус. *Няргила*; *Rubčoilu*, рус. *Рубчейла*; *Lumbil*, рус. *Лумбила*; *Kožoilu*, рус. *Кожойла*; *Uhmoilu*, рус. *Угмойла*; *Čukkoilu*, рус. *Чуккойла*;

Kärgel, рус. *Кяргела*; *Tyvil*, рус. *Тивилицы*; *Mal'l'al*, рус. *Малляла*; *Kleššoilu*, рус. *Клещейла*; *Pogoilu*, рус. *Погойла*; *Punčoilu*, рус. *Пунчойла*.

Ойконимы с суффиксом *-la* (ливвик. *-lu, -l*) –одна из наиболее характерных прибалтийско-финских моделей названий населенных мест и представлена во всех прибалтийско-финских топсистемах. Возраст карельской модели не определен, однако известно, что она отмечается письменными источниками в Северном Приладожье по крайней мере с рубежа XV-XVI вв. Уже основателем прибалтийско-финской топонимики Вилье Ниссиля было доказано, что ойконимы -

l-ового типа маркируют земледельческий тип заселения, они наиболее продуктивны на территории плодородных речных долин [Nissilä 1962: 91 – 92]. Привязка к земледельческому освоению убедительна и в топонимии Карелии. Исследование О.Л. Карловой показало, что названия поселений *-l*-ового типа наиболее продуктивны в местах, характеризующихся т.н. гнездовым типом расселения, который, в свою очередь, достигает наибольшей концентрации в районах с более благоприятными для земледелия климатическими условиями [Карлова 2004: 174-175]. Таким районом является, например, Олонецкая Карелия, особенно ее юго-западная часть – Олонецкая равнина [Мамонтова 2011: 129]. Здесь, в долинах рек Олонки, Мегреги, Тулоксы и Туксы, ареал максимальной плотности ойконимов *-l*-ового типа совпадает с гнездовым расселением.

Модель функционирует и в центральной и северной Карелии, куда принесена карельскими переселенцами в ходе освоения этой территории из северного и северо-западного Приладожья в XVI-XVII вв. На примере Сегозерья высказано предположение, что здесь ойконимы на *-la* маркируют т.н. «залповое» заселение, т.е. массовый приток карельских колонистов-земледельцев и их компактное расселение в определенных пунктах, ставших со временем административными и экономическими центрами погостов и представляющими собой гнезда или кусты мелких деревень. Предпринятое картографирование ойконимов с формантом *-la* позволило реконструировать сам путь миграции из северо-западного Приладожья через Янгозеро, Сельги в Юккогубу и на северную границу Сегозерья [Муллонен 2001: 24]. При этом малочисленность примеров ее проявления свидетельствует о преимущественно промысловом образе экономики этого региона.

Модель ойконимов с *-l*-овым формантом широко бытовала в древних названиях Корельского уезда и, видимо, принесена оттуда в Сямозеро карельскими переселенцами. Она характерна для южного Сямозерья – округ Шотозера, Вагатозера, представлена на Шуе и на самом Сямозере – в серединах его южного и северного берегов. Именно эти земли стали центральными для сямозерских ливвиков. Показательно, что модель *-l*-овых ойконимов практически не выходит за восточную границу Сямозерья, в людиковский ареал.

Письменные источники позволяют проследить историю становления модели. Она могла бытовать на Сямозере уже в XVI веке (а, возможно, и раньше),

поскольку некоторые из современных названий поселений с *-l*-овым суффиксом зафиксированы уже тогда, правда, в русском варианте: *в Кожине, в Курвойнаволоке, в Кяргине наволоке* [ПКОП 1563: 63] – соответственно, современные *Kožoilu, Kurmoilu, Kärigel*. Картографирование показывает, что эти первые исторически засвидетельствованные ойконимы называли деревни, расположенные непосредственно на южном побережье Сямозера, отмечая, возможно, наиболее ранние и важные центры притяжения карельского населения. В XVII веке появляется дер. *Угмола-гора*, совр. *Угмойла* найти, где (см. Сямозерье). Последнее название, с концовкой *-ла*, особенно важно, поскольку оно может уже значительно более убедительно, чем предшествующий ряд примеров, подтверждать функционирование *-l*-овой модели на Сямозере в то время.

Появление модели сопряжено с активным земледельческим освоением края. Как и на других прибалтийско-финских территориях, модель использовалась первоначально как наименование дома по имени (прозвищу, патрониму) владельца, к которому присоединялся *l*-овый суффикс. По мере разрастания однодворного поселения название распространялось на все поселение, а впоследствии и на гнездо (куст) поселений. В целом, видимо, можно полагать, что модель появилась в Сямозерье по крайней мере в XVI веке и набрала активность в последующих XVII – XVIII веках

В наименованиях деревень выступают календарные личные имена: *Kibroilu*: кар. *Kibroi* – Киприан; *Meloilu*: кар. *Meloi* – Мелентий; *Padroilu*: кар. *Padroi* – Патрикей и др. Немало образований от некалендарных имен: *Kiškoilu* (кар. *kiiško* ‘ерш’, прозвище непокладистого, ершистого человека); *Kurmoilu* (кар. *kurmoi* ‘обжора’).

Для русской передачи используются три модели, из которых наиболее показательна модель *-ицы / -ица*: *Markkel* – рус. *Маркелица (Маркелицы)*; *Mikkil* – рус. *Миккелица*; *Zankil* – рус. *Занкелица (Занкелицы)*. Судя по картографированию, она распространилась из русского Присвирья через Олонец, где фиксировалась уже XVI в.

В целом на карте бытования *-l*-овой ойконимии Сямозерье занимает пограничное положение, поскольку модель практически не выходит за его пределы на восток. Тем самым Сямозерье вписывается в ареал западных приладожских

связей, а сама модель, очевидно, является маркером карельского земледельческого освоения, распространившегося из Приладожья. При этом в соответствии с общекарельской ситуацией в Сямозерье модель согласуется с гнездовым типом расселения. В употребление модели просматриваются некоторые скопления, а также намечается определенное ареальное противостояние северо-западного Сямозерья, где ойконимы на *-l* малоупотребимы, остальной территории. Видимо, этот довольно глухой, удаленный от основных водных магистралей район Сямозерья осваивался первоначально по преимуществу как промысловая территория, что приводило к тому, что в качестве наименований поселений здесь закрепились наименования природных объектов.

В свою очередь, русская адаптация с использованием форманта *-ицы*, который в последующем в целом ряде случаев приобрел облик *-ица*, свидетельствует о вхождении Сямозерья в ареал русских языковых связей, распространявшихся из Присвирья и Олонецкой округи, где эта модель фиксируется уже материалами писцового дела XVI в.

Заключение

В научно-квалификационной работе «Формирование топонимической системы Сямозерья в контексте карело-вепсского этноязыкового диалога» был предпринят анализ около 3000 топонимов ливвиковского Сямозерья. Исторически эта территория входила в состав Олонецкого погоста Обонежской пятины и располагалась на его северо-западной границе. Впоследствии она стала частью Олонецкого уезда, населенного карелами-ливвиками. **Целью** исследования было выявление моделей топонимов, определение их ареальной дистрибуции и связи с этноязыковыми и культурными потоками освоения этого принципиально важного для территории южной Карелии региона. Исследование вносит вклад в изучение модельности топонимии и развитие ареально-типологической методики.

Конкретные результаты:

✓ Проведено описание структурных и лексико-семантических моделей топонимии Сямозерья с целью выявления универсальных, типовых для карельской топонимии принципов и моделей именования, а также возможных сямозерских инноваций. Доказано, что в целом число моделей и возможности их варьирования

ограничены присущими топонимии классифицирующими функциями. Выявлены типовые ситуации, определенные алгоритмы в образовании топонимов, которые составляют некий каркас, обеспечивающий целостность системы (напр., простые по структуре названия могут быть выражены только местными географическими терминами или антропонимами; антропонимные основы маркируют культурные объекты; детерминант всегда маркирует тип называемого объекта и др.).

✓ В ряду моделей, универсальных для всей карельской (и – шире – прибалтийско-финской) топонимии выявлен ряд специфических для Сямозерья (и смежной территории) структур, которые проанализированы в рамках ареально-типологической методики. Рассматривались как структурные типы, так и топоосновы. Анализ показал наличие прочных устойчивых связей Сямозерья с территорией Северного Приладожья, откуда на протяжении столетий происходил отток карельского населения. Ряд карельских моделей объединяют Сямозерье с олонекским регионом. В то же время ареальная характеристика моделей маркирует Сямозерье как пограничную территорию для распространения приладожских карельских моделей. Они не выходят за пределы Сямозерья на восток в людиковский этноязыковой ареал. Поиск вепских моделей не увенчался успехом, при том, что исследование языковых особенностей ливвиковского наречия свидетельствует о присутствии в нем значительного вепского субстрата [Бубрих 1947, Itkonen 1971], однако на уровне топонимии не удалось выявить четких вепских следов. Объяснение кроется не в столько в утрате вепского наследия, сколько с тем, что вепское наследие смазано близким карело-вепским языковым родством и легкостью перехода вепских топонимов в карельский язык. За некоторыми карельскими структурами на самом деле может находиться вепский оригинал. Последний проявляет себя более наглядно и убедительно в топонимии людиковского ареала, а также на более южных по сравнению с Сямозерьем ливвиковских территориях [Захарова и др. 2018]. Не исключено, что в ходе более тщательного поиска и привлечения более обширного материала удастся все же выявить следы вепской субстратной топонимии на Сямозере.

Более поздняя по времени русская страница в истории Сямозерья – не столько как собственно русское присутствие в регионе, сколько как проникновение русского влияния через контактные отношения, происходившие за пределами

Сямозерья, или обусловленные официальным уровнем контактов – наглядно присутствует в топонимии. Картографирование показало, что оно проникало на Сямозеро как с пришлым из Приладожья карельским населением, так и из Олонца с его округой как административного центра региона.

✓ Предложена реконструкция по топонимическим данным ряда утраченных карельских-ливвиковских лексем, а также вариантов антропонимов. В силу значительной устойчивости топонимии они сохранились как структурные элементы названий.

Перспективы развития темы в будущем состоят в дальнейшем и более детальном исследовании топонимии Сямозерья с целью выявления в ней следов вепского топонимического наследия, расшифровки ряда темных с точки зрения происхождения топонимов, анализа доприбалтийско-финской топонимии. Перспективным представляется выявление новых топонимических моделей, показательных для реконструкции языковой и этнокультурной истории края.

Библиографический список

1. Бубрих 1947 – Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск: Госиздат. Карело-Финской ССР, 1947. 52 с.
2. ДАКЯ – Диалектологический атлас карельского языка/ Д. В. Бубрих, А. А. Беляков, А. В. Пунжина. – Хельсинки, 1997. 219 с.
3. Захарова 2014 – Захарова Е. В. О некоторых ойконимных моделях Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. №1(16). 2014. С. 34-49.
4. Захарова и др. 2018 – Захарова Е.В., Кузьмин Д.В., Муллонен И.И., Шибанова Н.Л. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 272 с.
5. Карлова 2004 – Карлова О. Л. Суффикс *-la* в топонимии Карелии: дисс. ... на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 225 с.
6. Кузьмин 2016 – Кузьмин Д.В. Христианские имена карелов // Вопросы ономастики, 2016, т.13, №2. С. 56-86.
7. Кузьмин СКНГТ – Кузьмин Д. В. Словарь карельской народной географической терминологии (рукопись). Петрозаводск: ИЯЛИ РАН, 2019.

8. Кюршунова 2010 – Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV-XVIII вв. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. 672с.
9. Мамонова 1982 – Мамонтова Н.Н. Структурно-семантические типы микропонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982. 214 с.
10. Мамонтова 2011 – Мамонтова Н. Н. Топонимия Олонецкого края // Древний Олонец. Петрозаводск, 2011. С. 125–148.
11. Муллонен 1994 – Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
12. Муллонен 2001 – Муллонен И. И. История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 13–35.
13. Муллонен 2002 – Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2002. 356 с.
14. Муллонен 2008 – Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 242 с.
15. Муллонен 2012 – Муллонен И. И. Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории// Труды КарНЦ РАН. № 4: Гуманитарные исследования. 2012. С. 13 – 24.
16. Муллонен, Мамонтова 2008 – Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н. Топонимия как отражение этнического прошлого Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 25–38.
17. Новак 2016 – Новак И. П. Тверские диалекты карельского языка: Фонетика, Фонология. Петрозаводск: КарНЦ РАН. 2016. 226 с.
18. ПК ОП 1563 – Писцовые книги Обонежской Пятины: 1496 и 1563 гг. / Акад. наук Союза сов. соц. респ, Археогр. комис.; Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. IV, 268
19. СКЯ – Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
20. СРНГ – Словарь русских народных говоров, СПб., 2001. Вып. 35. 360 с.

21. СРЯ – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 22. 298 с
22. Теория и методика ономастических исследований 1986 – Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов; отв. ред. А. П. Непокупный. Москва: Наука, 1986. 254 с.
23. Hakulinen 1968 – Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. 386 s.
24. Itkonen 1971 – Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. № 2. 1971. S. 381 – 388.
25. Julku 1968 – Julku K. Kemin pitäjän ja Kemin Lapin raja. Kemi, 1968.
26. Kalima 1952 – Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme: Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisista lainasanoista. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1952. 234 s.
27. Karlova 2016 – Karlova O. Karjalainen ja vepsäläinen ei-kristillinen henkilönnimikantajainen paikannimistö // Studia Nordica 1. Финно-угорская мозаика. Петрозаводск, 2016. С. 171-187.
28. Kiviniemi 1975 – Kiviniemi E. Paikannimien rakennetyypeistä. Helsinki: SKS, 1975. 82 s.
29. Kiviniemi 1977 – Kiviniemi E. Väärät vedet: tutkimus mallien osuudesta nimenmuodostuksessa. Helsinki: SKS, 1977. 216 s.
30. Kiviniemi 1990 – Kiviniemi E. Perustietoa paikannimistä. Helsinki: SKS, 1990. 243 s.
31. KKS – Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: LSFU XVI, 1968–1997. Osat 1 – 6
32. KMS – Nirvi R. E. Kiihtelysvaaran murteiden sanakirja. Lappeenranta: Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö, 1974. - osat 1-10.
33. Kuzmin 2014 – Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki, 2014. 346 s.
34. Nissilä 1944 – Nissilä V. Itä-Karjalan paikannimien appellatiivisista piirteistä// Virittäjä. № 48. 1944. S. 399 – 405.
35. Nissilä 1975 – Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu: Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiön julkaisuja, 1975. 382 s.

36. Nissilä 1976 – Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen kirjallisuusseuran toimitteita 1. Helsinki, 1976. S. 43-172.
37. Nissilä, 1962 – Nissilä V. Suomalaista nimistötutkimusta. Helsinki: SKST 272, 1962. 220 s.
38. SMS – Suomen murteiden sanakirja. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36, 1985-2003. Osat 1–7.
39. SNA – Suomen nimiarkisto / Топонимический архив Финляндии, хранится в Центре родных языков (Kotimaisten kielten keskus), Хельсинки.
40. SSA – Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1992-2000. Osat 1–3.
41. Zilliakus 1972 – Zilliakus K. Nimistötieteellisten synteisien aikaa// Kalevalaseuran Vuosikirja 52. Helsinki, 1972. S. 306 – 382.
42. Топонимический архив Финляндии [Электронный ресурс]. URL: <https://nimiarkisto.fi/>

Список работ, опубликованных автором по теме НКР

1. Карельская ойконимия Сязозерья I-ового типа (научная статья)/ Ежегодник финно-угорских исследований. – Том 12. Выпуск 2. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2018
2. Утраченные географические термины в топонимии карельского Сязозерья (научная статья)/ Материалы I Международной научно-практической конференции «Притяжение Севера: язык, литература, социум». Изд-во ПетрГУ, 2018
3. Топонимные модели Сязозерья для называния низинного рельефа (научная статья)/ Ученые записки Петрозаводского государственного университета. - Петрозаводск, 2019. - №3. - ISSN 2542-1077

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сельские советы, волости, районы

Кунг. – Кунгозерский с/с
 Сав. – Савиновский с/с
 Салм. – Салминичский с/с
 Час. – Часовенский с/с
 Вешк. – Вешкельский с/с
 Лахт. – Лахтинский с/с
 Сям. – Сязозерский с/с
 Падан. – Паданская волость

Ведл. – Ведлозерская волость
Суояр. – Суоярвская волость
Имп. – Импилахтская волость
Крошн. – Крошнозерский с/с
Ильин. – Ильинский с/с
Олон. – Олонецкий с/с
Больш. – Большегорский с/с
Твер. – Тверская Карелия
Тихв. – Тихвинская Карелия
Великог. – Великогубский с/с
Сорт. – Сортавальский район
Питкяр. – Питкярантский район

Географические термины

бер. – берег
бол. – болото
возв. – возвышенность
г. – гора
дер. – деревня
дор. – дорога
зал. – залив
кладб. – кладбище
кол. – колодец
о. – остров
оз. – озеро
пок. – покосы
пор. – порог
пос. – поселение
прол. – пролив
р. – река
родн. – родник
руч. – ручей
угод. – угодье
ур. – урочище
хут. – хутор

Приложение

Арькойла 40	Ahvenlamminhieru 17	Heččul 40
Ахпойла 40	Akentii 15	Hedul 40
Ваччойла 40	Akimisto 17	Heinyhuuhtu 26
Гавройла 40	Ala N'olgamärvi 24	Heinysuari 26
Гетчула 40	Algo 33	Hoikankallivot 19
Глимойла 40	Alho 32	Hoikanliettiet 19
Елкула 40	Alhond'ogi 33	Hokkoine 19
Занкелица 43	Alhoniitty 32	Hopunhuuhtat 19
Занкелицы 43	Alhonkaivo 32	Hu(ig)utuksenn'okku 28
Кибройла 40	Alhonniityt 32, 33	Huabusegy 9
Кишкойла 40	Alhonoja 33	Huikutus 14
Клещейла 41	Alhonsuo 32, 33	Huttu 13, 16
Кожойла 40	Alhot 32, 33	Huttumägi 13, 16
Корбисельга 40	Ananei 15	Höngy 30
Курмойла 40	Ar'koilu 8, 40	Höngänkylä 30
Кяргела 41	Bartienpeldo 8	Höngänkyläine 30
Лумбила 40	Bruudu 13	Höstölambi 26
Маккойла 40	Bul'a 12	Höstöoja 26
Малляла 41	Burčanobodu 20	Höstösuo 26
Маркелица 43	Čoroinsuo 22	Iipoinpeldo 30
Маркелицы 43	Čuamunrajakko 8	Iivanansel'l'änpeldo 30
Мелойла 40	Čučči 16	Iivanisto 18
Миккелица 43	Čukkoilu 40	Iivoinkaivo 30
Минойла 40	D'ekoinsuonniityt 29	Iivoinpeldo 30
Нехпойла 40	D'ekunmäet 29	Iivoinselgä 30
Никкойла 40	D'elkkula 40	Ipoilambi 30
Няргила 40	D'essoilu 40	Ipoiemi 30
Павшойла 40	D'uamanpie 28	Ipoinkujo 30
Падройла 40	D'uvansuo 30	Išoi 30
Пегрем 35	D'yl'ijikönrandu 22	Išoinjärvi 30
Пегрема 34, 35	Dekansuari 29	Išoinniityt 30
Пеккиля 40	Dekinniitty 29	Išoinoja 30
Пёкреймяки 35	Dekku 29	Išoinpeldo 30
Пеньгисельга 40	Dekkusuari 29	Išoinrandu 30
Погойла 41	Dekoinsuo 29	Ivanisto 18
Проккойла 40	Dekunjärvi 29	Jarkunroššu 36
Пунчойла 41	Djekkinluodo 29	Jelkkula 40
Роцца 36	Doroganluožo 39	Jessoilu 40
Рубчейла 40	Dorogulambi 28	Johkinkylä 29
Савиново 40	Dorogupeldo 28	Jouhki 30
Сыссойла 40	Dorogupellot 28	Joukinmelličcy 29
Тагань 16	Dorogurannapellot 28	Jovki 30
Таганька 16	Eziniitut 24	Jovkindorogu 29
Тивилицы 41	Ezisuo 24	Jovkinkylä 30
Угмойла 40	Fadil 40	Jovkinmelličcy 30
Фадела 40	Filipän_taga 16	Jovkinsuo 30
Хедула 40	Gauroilu 40	Juvanpellot 30
Чуккойла 40	Glimoilu 40	Juvansuo 30
Эссойла 40	Haapaselkä 9	Kakarvet 19
Ahpoilu 40	Habsel'g 9	Kallivot 18
Ahvenlambi 17	Haudusuovat 20	Kalmasrošša 37

Kalmoi 37
 Kandlehniemi 25
 Kangas 14
 Kanzahuuhtu 29
 Kanzanhuuhtu 8, 29
 Kasekset 18
 Kaskeksensuo 26
 Kaskesniemi 26
 Kaššalilambi 25
 Kattila 15
 Kattilaine 15
 Kez'ando 14
 Kezando 14
 Kezandopeldo 27
 Kezändö 14
 Kezändönpellot 14, 27
 Kibroilu 8, 40, 43
 Kiimuguba 28
 Kiimusuo 28
 Kiškoilu 8, 40, 43
 Kivačču 16
 Kivikangahat 19
 Kivikannot 19
 Kladbiššu 37
 Kleššoilu 41
 Kodr'akku 30
 Kohtanaidu 24
 Kohtanguba 24
 Kohtankangahat 24
 Koivukivi 25
 Koivulambi 7
 Koivunaidu 25
 Koivuniemi 7, 25
 Koivuselgy 7, 25
 Koivusuari 25
 Koivusuo 7
 Kolminaine 16
 Korbi 13
 Korgeikangahat 24
 Korgeimägi 24
 Korgeiristu 24
 Korgeiselgy 24
 Korgeisildu 24
 Korgeisuari 24
 Korgiellsellälpeldo 25
 Korgiemägi 25
 Korgietkangahat 25
 Korotkoi 15
 Korveniityt 13
 Korzansuo 14
 Korzot 14
 Korzu 13
 Koverjärvi 16
 Kovero 16
 Kožoilu 40, 43
 Kualatus 14
 Kublusildu 22
 Kuivuluodo 25
 Kul'l'ukku 15
 Kurmoilu 40, 43
 Kurmoilu 8
 Kurrenpunalmus 21
 Kurzu 13
 Kydö 14
 Kylyine 18
 Kyvönaidu 27
 Kyvönniityt 14
 Kyvönpeldo 27
 Käpinkylä 30
 Käppi 30
 Kärgel 40, 43
 Lačču 16
 Lačunpellot 16
 Ladulambi 28
 Lageisuo 25
 Lagipaikanlemi 19
 Lakka 13
 Lakkupedäi 22
 Lakkupedäjänsuo 22
 Lamminpiä 21
 Lapinsuari 29
 Lauttulambi 28
 Lazaristo 18
 Leskenguba 29
 Leskenniemet 18, 19, 29
 Ligatuzlambi 29
 Livoččulambi 29
 Livotuslambi 29
 Lukanrošša 37
 Lumbil 40
 Luodzoinouzemu 39
 Luodžoinsuo 39
 Luožeikko 39
 Luožijikko 39
 Luožoiniitty 39
 Luožo-oboda 39
 Luožopeldo 39
 Lyöžy 39, 40
 Lyöžänniityt 39, 40
 Madarikko 14
 Madarikonniitty 14
 Makkoilu 40
 Mal'l'al 41
 Markkel 43
 Matkajärvi 28
 Matkulahti 28
 Matkuluodo 28
 Mel'l'ičanniitut 27
 Mel'l'ičansildu 27
 Mel'l'ičoja 27
 Mel'l'ičälambi 27
 Meličänoja 27
 Melliččoja 27
 Melliččyguba 27
 Melliččyjogi 27
 Melliččylambi 27
 Melliččylamminoja 27
 Melliččäniemi 27
 Melličniemi 27
 Melličänguba 27
 Melličänlambi 27
 Melličänrandu 27
 Meloilu 8, 40, 43
 Merdojanoja 28
 Merdulambi 28
 Miinal 40
 Miinoilu 40
 Mikkil 43
 Multikka 14
 Multikko 14
 Multikku 14
 Mustulahti 25
 Mustulambi 25
 Myllynoja 27
 Mäen_ual 16
 Mäin_ual 16
 Mökkö 15
 N'upunrajakot 22
 Nagrizpalot 20
 Nehpoilu 8, 40
 Niemet 18
 Nikkoilu 8, 40
 Nouzem 13
 Nouzemu 13
 Närhil 8, 40
 Obodanmägi 27
 Oččukoski 24
 Oččumägi 24
 Oččupeldo 24
 Ojaine 18
 Ondrienpisto 21
 Ot'oinpeldo 8
 Padalambi 25
 Padaniekka 15
 Padarvi 25
 Padroilu 8, 40, 43

Pajalambi 28
 Pajamägi 28
 Pajan_ual 16
 Paloniemi 27
 Palosuo 27
 Paušoil 40
 Pekkil 40
 Pekkil'a 40
 Peldod'ogensuaret 27
 Peldojovenniitut 27
 Peldoniemi 27
 Penkku 13
 Pergivö 14
 Pergivönpuustat 14
 Pergivönpuustat 27
 Pergivönrandu 27
 Pergivönselgy 27
 Peräaijanpellot 24
 Perälambi 24
 Peräniemi 24
 Peränniityt 24
 Peräsellänkasket 19
 Pieniluodo 24
 Pihl'apeldo 8
 Pihhtlahti 28
 Piihtulahti 28
 Pisto 13
 Pistoniemi 28
 Plönkynsuo 22
 Pogoilu 41
 Pogost(u) 14
 Pogranlammit 19
 Potoinpalaine 20
 Prokkoila 40
 Puččimägi 25
 Punčoilu 41
 Puustat 18
 Pyöržy 16
 Pyöräkkö 15
 Pögry 34
 Pögrymy 35
 Pögrymä 35
 Pökry 34
 Pökränsuo 34
 Pöyry 35
 Pöyrynmäki 35
 Rajakko 14
 Razinpellot 27
 Reduluhtu 8
 Regisuo 28
 Rihipeldo 8
 Ristanalho 32
 Ristanpeldo 8
 Ristansärkyt 19, 20
 Roššanpeldo 37
 Rossu 36
 Roššu 36, 37
 Roššuniitty 37
 Rubčoilu 8, 40
 Rugaguba 28
 Ruoččiniemi 29
 Ruočnimägi 29
 Ruočinsuari 29
 Ruočinsuo 29
 Rupanniityt 23
 Rupp 23
 Ruskeimua 25
 Saviregie 21
 Seibähät 18
 Sepänsuarenmägi 29
 Sildupellot 28
 Sillankiännelmys 19, 28
 Sillankorvu 28
 Sillanpiä 28
 Sissoilu 40
 Sissoine 40
 Šiämykäšroššane 37
 Sordo 14
 Sordolambi 27
 Sorrončuppu 27
 Suarenkohtas 19
 Suari 12
 Suavolanjuamu 21
 Suovanvongu 27
 Suurenaijanpellot 19
 Suurikivi 24
 Suvenkari 19
 Särgabai 26
 Särgilahti 26
 Särgilambi 26
 Särgiliete 26
 Särgin'okku 26
 Särginiemi 26
 Šärginiemi 26
 Särgniemensuo 26
 Zan'kilansuaret 19
 Zankil 43
 Tagaine 16
 Tagaizienpellot 16
 Tagalodmu 19
 Tedranladvu 19
 Tedriladva 19
 Telaizet 18
 Telaizienpellot 18
 Telky 15
 Tervukoski 28
 Tervulahti 28
 Tervulambi 28
 Tervuvuaru 28
 Tieselgy 28
 Timohpielu 40
 Toročču 15
 Tyvil 41
 Uhmoilu 40
 Uitot 18
 Uuziaidu 25
 Valgamo 15
 Valgeioja 25
 Vallittu 15
 Van'ankaivo 30
 Van'anluhtu 30
 Van'anmel'l'ičču 30
 Van'apeldo 30
 Vanhatpellot 25
 Varoinmät 19
 Vasilisto 18
 Vezoinpiä 21
 Vičikkö 14
 Vihkiluodo 28
 Vilukaivo 25
 Vongu 13
 Vuaččil 40
 Vuaččoilu 40
 Ylähänsorronsellät 19